Проблемы народного хозяйства при социалистиче-

Б. Д. Бруцкуса.

Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства.

Историю развития социалистических учений обычно делят на два периода—утопического и научного социализма. Это подразделение следует признать несколько резким: можно указать на ученые элементы в т. наз. утопическом социализме и ненаучные—в т. наз. научном социализме. Но в основе это подразделение все же правильно. Грань между обоими периодами положена трудами величайшего политического деятеля и мыслителя социализма—Карла Маркса. Маркс попытался понять социально-экономические процессы, исходя из идеи эволюции, и этот принцип оказался в общественных науках столь же плодотворным, как и во всех других областях знания. Во второй половине истекшего века марксизм завоевал безусловную гегемонию в социалистическом движении; и в настоящее время именно он является доктриной революционного пролетариата. Марксизм положен в основу программы и русской коммунистической партии.

Утопические социалисты представляли себе, что социалистический строй возникнет в результате инициативы, уверовавших в его блага, небольших общественных групп, которые своей вдохновенной деятельностью увлекут все остальное общество. В противоположность такому пониманию эволюции общественных явлений, Маркс утверждал, что социально-экономические явления развиваются стихийно. Но объективное исследование эволюции капитализма, по мнению Маркса, приводит к тому непреложному выводу, что этот строй неотвратимо стремится к собственной гибели, что в недрах его развиваются элементы нового строя—социалистического. Очередной задачей своей эпохи Маркс считал не создание небольших общественных ячеек на социалистических основах, а прояснение сознания и организацию пролетариата, как класса, призванного в определенный момент со-

цнально-экономической эколюции,—в момент конечного кризиса капитализма,— взять в свои руки перестройку исего общества в

целом на социалистических основах.

В связи с этим менялось и самое содержание социалистических учений. В то время, как утопические социалисты на первом плане ставили задачу конструирования нового общества, научный социализм концентрировал свое внимание, главным образом, на критическом исследовании современной системы народного козяйства и на выяснении ее эволюции. Последняя уже предрешала некоторые основы будущего социалистического общества, но разработкой задачи систематического его конструирования Маркс не занвмался.

Последователи Маркса точно также не уделяли последней задаче своего внимания. Даже такой разносторонный и исключительно плодовитый писатель, как Карл Каутский, так много сделавший для исследования социально-экономических явлений методами марксизма, в интересующем нас вопросе остался

бесплодным.

Совершившийся в России социальный переворот, казалось бы, поставил ребром перед русскими ортодоксальными социализадачу конструпрования социализма, как положительного учения. Но и русская социалистическая тура пока не сумела в этом направлении ничего сделать. теоретик большевизма, Н. Бухарин, в своей. Выдающийся "Экономике переходного времени" ограничился утверждением старого положения социализма, что категории каниталистического строя при социализме теряют свое значение, но он не попытался выяснить, какие же категория будут регулировать производство и потребление при новом строе. Если в русской литературе и сделана попытка конструировать социализм, как положительное учение, то она принадлежит покойному М. И. Туган-Барановскому, которого, конечно. нельзя назвать ортодоксальным марксистом. Таким образом, приходится с полной опредеденностью констатировать поразительный факт: нацчина социаливм, целиком поглощенный критикой Капиталистического строк, теории социалистического строя до сих пор не разработал.

Между тем от разработки такой теории марксизм не имел достаточных оснований отказываться. Поставив во главу угла принцен эволюции, Маркс тем не менее не перестал быть революционером. В известном споре между К. Каученим и В. И. Лениным о том, предусматривает ли Маркс превращение каппталистического общества в социалистическое в форме медленного процесса, слагающегося из ряда частичных реформ, как полагает первый, или в форме единовременного переворота, как полагает второй, мы решительно должны стать на точку зрения В. И. Ленина. Да и сам Каутский еще не так давно, когда он нисал свою брошюру: "На другой день после социальной революции», держался той же точки эрения. Признаваемая Марксом,

диалектическая схема эволюции Гегеля с ее постепенным нарастанием количественных изменений под старыми формами, как раз постулирует революционные взрывы, которые выявляют, севершившиеся вследотвие накопления количественных изменений, качественные изменения социальной материи.

Очень часто Маркс сравнивает рождение нового общества с физиологическим актом родов. Примем эту аналогию и попытаемся сделать из нее надлежащие выводы. Ребенок родится только тогда, когда все его органы во чреве матери уже сформировались; тем не менее его рождение не есть только механический акт, -- он связан с глубокой трансформацией всей физиологии выброщенного на свет Божий существа. Для жизни 🖈 новой среде ребенок должен совершать совершенно новые физиологические акты дыхания и сосания, и эти акты возникают инстянктивно. Аналогичные явления должны иметь место и при рождении нового социального строя. Ищущий прибыли предприниматель, который до того приводил в движение весь экономический механизм общества, исчезает. В хозяйственной жазни должны появиться новые стимулирующие двигатели. Но... общество все-таки не организм, и направляющие инстинкты в нем не действуют. Те новые акты, которые возникают в организме инотинктивно, должны быть в обществе предварительно осознаны его руководящими кругами.

Если капиталистическое общество, которое предоставляет личной инициативе своих граждан удовлетворение важнейших его нужд и ограничивает функции государства некоторым регулированием хозяйственной деятельности своих гражден, создало науку экономической политики. то во сколько же раз такая наука более необходима социалистическому обществу, в котором деятельность государства и бесконечно более ответственна, и бесконечно более сложна!...

Тот факт, что социализм, как положительное учение, останся в марксизме не разработанным, мы не можем себе объяснить только тем, что у марксистов не было смелости браться за решение такой проблемы, которая осталась неразрешенной самии Марксом. Для практической залачи, которую Маркс ставил себе в первую очередь, -- для организации единого, интернационального рабочего движения-углубленная разработка теории социалистического хозяйства не была безусловно необходимой. Для тего, чтобы организовать пролетариат на борьбу против капитадизма, достаточно было критически выявить отрицательные стороны капитализма и противопоставить ему социализм лишь в самых общих, заманчивых контурах. Но ведь социально-экономическая эволюция после Маркса шла вперед, в вопрос о социальномъ перевороте и о творчестве нового строя с течением времени становился все более актуальным. К этому моменту надо было готовиться, и то, что марксисты в этом отношении оказались не подготовленными, не может не иметь отрицательных

последствий для социалистического движения. В настоящий момент, когда, в связи с последствиями небывалой по своей разрушительной силе мировой войны, вся экономическая жизнь передовых стран оказывается глубоко дезорганизованной, и капитализы переживает такой кризис, какого он еще никогда не переживал, отрицательные результаты подобного состояния социанистической доктрины не могли не выявиться. Вожди западного социализма совершенно неожиданно оказались призванными от перманептной оппозиции к власти. Н вот, не имея разработанного плана нового общества, старые вожди западно-европсиского социализма, в полном сознании тяжелой ответственности перед руководимым им рабочим классом, уже не решаются призывать их к социальной революции. У них ослабела! вера в то, что социализм окажется в силах в данных трудных условиях уврачевать тяжелые педуги экономической действительности. Даже в своих реформистских проектах они не проявляют большой решительности в постоянием опасения окончательной дезорганизации и без того расстроенной экономической жизни. Наоборот, держащие в руках власть, русские социалисты будучи более строгими последователями марксистской доктрины и будучи по своей психологии более смелыми и решительными, носле социального переворота вынуждены переходить от эксперимента к эксперименту в такой момент, когда, ввиду совершенио критического положения народного хозяйства, вало бы действовать наверняка.

Принимая во внимание столь важные отрицательные последствия отсугствия разработанной теории народного хозийства применительно к условиям социалистического строя, приходится, признать, что этот факт не есть какая-то случайность. Очевидно, должны быть глубокие причины этого замечательного явления. Они выяснятся в дальнейшем нашем изложения...

Марксизм не ревработал теории социалистического хозяйства, но он определит его основные принципы, как вытеклющие частью из того, что социализм должен возникнуть путем трансформации капатализма, частью из того, что они являются постулатами класса, организующего социализм, промышленного про-

летариата.

Марксистский социализм прежде всего не ивляется социализмом мелких общин, это социализм в крупном масштабегосударственный, национальный. Оп отрицает рынок и рыночные цены, как регуляторы производства, как регулятары распределения производительных сил. Этот способ регулирования капиталистического хозяйства, с точки трения марксизма, является иесостоятельным; марксизм постоянно подчеркивает анархию каниталистического производства", невабежно приводящую к нернодическим кризисам. С точки зрения марксизма, эта анархия и есть одна из важнейших отрицательных сторон капитализма, которую социализм призван преодолеть. В сравнении

с капитализиом, социализм является высшей формой хозяйственной, организованности. Социализм ведет хозояйство по единому государственному плану, построенному на основах статистики. Подобио рыночным ценам, и другие категории капитавистического хозяйства теряют при социанизме свое значение; в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, нбо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета не грудовых элементов дохода. Социалистическое общество признает издержки производства лишь в одной форме, в форме затраты труда; количество же этой затраты измеряется временем. Труд, и только труд, обладает силою ценность образующей даже в капиталистическом обществе, — так утверждает Маркс в 1-ом томе "Капитала"; тем более это положение справедливо для социалистического строя. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во ния этого лозунга им совершается великий переворот.

Таковы руководящие пдеи марксистского социализма в деле построения нового народного хозяйства. Удастся ли нам решить задачу теоретическою конструирования социалистического хозяйства-покажет наше дальнейшее взложение, но во всяком случае соответствующая работа имеет большое значение и для более отчетливого исследования природы капиталистического хозяйства. Исследование проблем социалистического козяйства дает нам надежду осветить с новых точек зрения проблемы

капиталистического козяйства.

II. Хозяйственный принцип я социализм.

Едва-ли какой-либо экономист решится оспорать то положение, что всякая хозяйственная деятельность, протекает ли она в рамках натурального, капиталистического или же социадистического хозяйства, должна быть подчинена о соответствии между затратами и результатами. Не даром этот принципу принцип считают конституирующим хозойственную деятельность, отличающим се от всякой иной деятельности чаловека. Надотолько полагать, что принцип этот в социализме должен прояваться в своеобразных для него формах.

В натуральном хозяйстве механизм проявления хозяйственного првиципа ясен. В хозяйстве трудится небольшой комплекс лиц, тесно спаянных между собой узами кровного родства и совместной жизни, опи-же и потребляют все произведенные ценпости; естественно, что в этих условиях устанавливается известное; субъективно определяемое, соответствие между затратамы,

преннущественно трудовыми, и ценностью продуктов труда, потребляемых самими-же трудящимися и их близкими. Небольшие размеры и полная обозримость всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия.

В капиталистическом хозяйстве предприниматель пользуется трудом посторонних людей, к благополучню коих он может быть вполне равнодущен, он пользуется в изобилии материалами и орудавыя, являющимися продуктами предшествовавших производственных процессов, пользуется естественными силами, к которым приходится устанавливать совсем не то отношение, какое устанавливается в натуральном хозяйстве. Тем не менее и здесь при несравненно более сложном хозяйственном процессе, устанавливается соответствие между затратами и результатами провзводства, выражаемое даже отчетлянее и последовательнее, чем в натуральном хозяйстве. Все элементы производства: груд, материалы, машины, процент на капитал, рента оценены обществом на рынке, равно как на рынке оцениваются и все продукты производства. Эти оценки происходят в стихийном процессе, результаты коего для отдельного предпринимателя являются данными. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться оруднями производства; он получает свою отставку безжалостно и безотговорочно, ибо и она дается в стихнином процессе. Он не исполнил тех заданий, которые ему, как предпринимателю, предъявлет общество, он не сумел так скомбинировать элементы производства, чтобы они оплатипись в рыночной цене, произведенного с их помощью, продукта. Зато никого капиталистическое общество не осыпает так обильно своими щедротами, ни гения науки, ни гения искусства, как умелого и искусного предпринимателя, который удачно комбонируя элементы производства продукта, удовлетворяет хотя-бы саным обыденным потребностями общества. Влагодаря этому предприниматель капиталистического общества находится постоянно в напряженном состоянии, и это напряжение он стремится передать всем участинкам производства. Одинх он занитересовывает непосредственно в результатах производства, других он поощряет повышенным вознаграждением, третьих он дасциплинирует страхом увольнения. Так осуществляется хозяйственный принции в расчлененном на классы и имущественвые группы капиталистическом обществе.

1 Какими же путями козяйственный принции может быть осуществлен в соцналистическом обществе? Социалистическое общество, в отличие от капиталистического, не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным ноложением замитересованы в успехе производства. Лица, возглавливающие социалистические предприятия, материально не выпрывают от их успешной работы и не проигрывают от их не-успешной работы. Не они платят за использованные в производ-

стве труд, капитал, естественные силы, и они ничего не получают за отданные обществу продукты производства. Риск каждого данного производства всеми участниками его переклады-

вается на все общество в целом.

Не будем далсе останавливаться на тех трудностях субъективного порядка, которые, в связи с этим, встречает строительство социализма, ябо исследование субъективных элементов хозлиственной деятельности есть задача самая трудная, и результаты такого исследования будут всегда вызывать споры. Мы сделаем лишь объективный вывод, который из сказанного стаповится очевидиим: хозяйственный учет имеет в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом. Капиталистический предприниматель, если ему угодно, может совсем же вести накакого счетоводства. Тем хуже для него,—он будет работать в слепую. Но перед народным хозяйством его ответственность этим нисколько не сслабляется, ибо все ему дается обществом по оценке, и все у него принимается обществом по оцепке. "И не уйдет он от суда мирского..." За растрату производительных сил он ответит своим достоянием и своим общественным положением. Иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Если глава крупнейшего предприятия в социалистическом хозяйстве ведет его без надлежащих учета и расчета, то он может лично жить совершение спокойно, как бы руководимое им предприятие иследствие нарациональной организации производства ни расточало производительных сил общества. Всякое такое предприятие является своего рода больным членом хозяйственного организма, его истощающим, и из того, что болезць не обнаружена, от этого ена ме становится менее опасной; ведь и на теле опаснее всего рана, которая не болит. Итак, ничто не может быть для социалистического общества опаснее, как атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях конечная дезорганизация его хозяйства неизбежна.

Именно, такое явление атрофии хозяйственного расчета мы в России, нараллельно со стремительным разнаблюдали растанием социалистического хозяйства за счет частного, нараллельно отмиранию рынка и денежной системы. Уже в упомявутом труде II. Бухарина: "Экономика переходного времени", на примере железнодорожного хозяйства убедительно доказывается, что ценностный учет, проводимый старыми методами, потерял всякий смысл. Однако, это обстоятельство, повидимому, не вызвало никакой тревоги в душе теоретика социализма. Н. Бухарив совнает необходимость какой-то другой системы учета, но не •станавливается на выяснения ее принципов. А между тем именно в этом заключается самое больное место нашего социалистического козяйства. Мы получаем молоко, выпекаем хлеб, чиним нагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выпечка хлеба, починка вогона, перевозка угля. Такое положение неминуемо должно было привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к ней и привело.

Госуларство, лишенное прежнего ценностного учета, не могло, конечно, отказаться от контроля за своими предприятиями. Но ему представлялась возможность контролировать лишь отдельные элементы производства. И в этом отношения оно вынуждено было пойти очень далеко, гораздо дальше, чем это делали капиталисты. Организовался мелочный контроль за формальной аккуратностью служащих, за использованием материала, машин, вивентаря. Пагромождались рекязиц на рекизии, и устанавлявалось уродливое несоответствие между рабочим и контролирук щим аппаратом. А между тем этот контроль за элементами производства нисколько не гарантирует хозяйственной рациональности предприятия и совершение не имеет того решающего значения, которое имел ценностный учет. К огорчению моралистов, приходится даже сказать, что честность руководителей предприятия, которую такой-учет в лучшем случае может обеспечить, еще не гарантирует народного хозяйства от убытков, а бесчестность их может сочетаться с народнохозяйственной пользой. Все зависит от удачной или неудачной организации. производства, о чем указанный контроль ничего не может сказать.

В настоящее время мы видим, как государство пришло к убеждению, что так дальше вести хозяйства нельзя. Оно нашло выход в восстановлении свободного рынка и в ценностном учетс отдельных предприятий государства, построенном на директивах, искодищих от рынка. Этот выход из создавшегося тяжолого положения, очевидно, лежит уже не в плоскости социалистиче: ского хозяйства, как таковое понимается в марксизме. Hac интересует разрешение проблемы хозяйственного учета, именно, в

пределах марксистского социализма?

Н. Бухарин, констатировав атрофию старых форм учета, понагает, что опи должны быть заменены натуральным учетом. Эту мысль подробнее разработал А. В. Чаянов 1). Он полагает, что таким путем получится возможность сравнивать степень рациональности постановки отдельных предприятий социалистического хозяйства. Применяя свой метод к сельскохозяйственным предприятиям, он приходит к расчетам такого типа: на 1000 единиц зерновых продуктов использовано 30 ед. труда, 90,0, ед. продовольствия, 8,6 ед. земли, 0,0 ед. тяги, 25,0 ед. построек, 0,4 един. инвентаря, 1,0 сд. материалов, 0,00 топлива. Для того, чтобы полу-чить ту достаточно сдожную формулу, А. В. Чаянову пришлось искать общую единицу для всех продуктов продовольствия, общую единицу для всех построек, общую единицу для инвентаря от бороны до паровой молотилки, общую единицу для всех материалов от смазочного масла до веревки. Нечего говорить, то все эти единицы совершенно условны, если не сказать про-

¹⁾ Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. Труды Высшего Семинария с.-х. экономия и политаки пря Пстровской С.-Х. Академня. В. 2. М. 1921 г.

извольны. Если же они имеют какое-нибудь реальное значение, то лишь постольку, поскольку они произведены путем какого-то общего принцица оценки, которого автору не удалось формулировать. Далее, если глава совхозов получит результаты лишь в указанной формс, то ему с этими сводками нечего будет делать. Если же все единицы построек, продовольствия, земли, инвентаря свести к одной единице, то таковую следует, наконец,

Неудивительно, что опыт А. В. Чалнова не имел успеха. С. Струмилин и Е. Варга, которые на страницах "Экономич. Жизни" подходили к проблеме учета, оба отвергли метод А. В. Чаянова, и оба пришли к заключению, что подобно тому, как капиталистическое хозяйство имеет в рубле единицу для измерения всех ценностей, вращающихся в нем, так и социалистическое хозяйство должно обладать подобной единицой ценностного учета. С. этим нельзя не согласиться: без ценностного учета пикакое рациональное хозяйствование ни при каком социально экономическом строе певозможно. И в полном согласии с принципами марксизма Е. Варга и С. Струмилин признали, что труд должен явиться мерилом ценности. Если и в капиталистическом обществе, но Марксу, труд является, хотя и в скрытой форме, основой общественной оценки хозяйственных благ, основой их меновой ценности, то в социалистическом обществе труд должен быть сознательно положен, как мерило ценности.

Посмотрим же, что может дать социалистическому хозяйству трудовой учет ценности продуктов. Вопрос этот представляет громадный теоретический интерес, ибо он стоит в теснейшей связи с теоретическим значением основных в марксизме

концепций экономической действительности.

III. Проблема трудового учета в соцналистическом хозяйстве,

Попытаемся себе представить учет трудовой стоимости продуктов.

Мерилом количества труда является в нашем социалистическом обществе время. Однако, и в социалистическом обществе невозможно отвлечься от такого основного свойства труда, как его производительность. Нельзя же измерять труд по количеству времени, которое рабочий провел на заводе, в мастерской или хотя бы даже за станком! Даже наше социалистическое. государство, глубоко проникнутое эгалитарными настроениями, вынуждено было от этого отступить, вводя премиальную оплату труда. Таким образом, учетной единицей становится не просто рабочее время, напр. рабочий день, а рабочий день определен-

ной производительности, условно признанной в качестве нор-

мальной. Эта производственность выразится в определением количестве выделанных продуктов, распиленных бревен, обструганных досок, выточенных подшининков, и т. д. Так как даже в отдельном предприятии, производящем определенные продукты, применяется труд различных специалистов, и каждый из них может производить различные работы, то придется, конечно песьма условно, приравнять между собою нормальные рабочые дни для

иссх много-различных форм труда.

Но в пределах каждого данного производства применяется я труд разной квалификации,—низшей и высшей. Наряду струдом, не требующим большой выучки и имеюшимся у общества в изобилии, приходится пользоваться трудом, требующим долговременной выучки, а иногда даже и некоторого дарования или хотя бы естественного предрасположения. Неужели этот труд высшей квалификации, которым общество располагает в самом ограниченном количестве, и которым оно не может не дорожить, жы засчитаем в расходы день за день—по такой-же норме, как труд не квалифицированный?! Как-бы сильны ин были наши эгалитарные тенденции в оплате труда, при учете труда мы так поступать не можем. У Маркса мы также пайдем указание, что единица времени такого труда висшей квалификации надо приразнять к единице временя труда низшей квалификации, умноженной на известный коэффициент. Но как определить эти коэффициенты? Напрасно ны стали-бы искать способа определения этих коэффициентов у Маркса. Обычно для этого преднагают сравнить стоимость воспитания простого и кралифицированного рабочего. Нельзя сказать, чтобы это была легкая задача. Если же высшая квалификация обусловлена природными дарованиями, хотя бы и не какого-либо исключительного свойства, то указанпый метод и совсем не применим. Очевидно, что коэффициенты наши будут весьма условны, если не произвольны.

Так как каждое производство пользуется материалами и ерудиями, полученными извие, то очевидно, что ни одно производство не может быть учтено, если одновременно не будет произведен учет трудовых затрат на всем протяжении народного хозяйства, если це будет сделано приведение к единице труда всевозможной формы и квалификации. Мы видии, что тот учет трудовой стоимости, который многим представляется чем-то чрезвычайно простым и очень об'ективным, в действительности является очень сложным и совсем не таким объективным. Хотя он, судя по газетным сообщениям, уже сделан облаательным, мм сомневаемся, чтобы его удалось провести, настолько он темен и неясен. И невольно у нас всилывает вопрос, каним образом, согласно исходному положению марксизма, формулированному на первых же страницах І-го тома "Капитала", удается потребытелям, которые пичего не знают и ничего не котат знать обусновнях производства продукта, удается оценивать товары в соответствии с количеством затраченного на них труда, когда для

нас, желающих пронекнуть в самый процесс производства, это измерение количества труда вырисовывается так расплывчато, так условно?

Но оставим эти сомнения. Предположим, что этот учет труда на всем громадном зобъеме народного хозяйства, в бесчисленных его предприятиях, так или вначе осуществлен. Даст ли он нам что-пибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои дирек-

тивы от свободного рынка?

Учет трудовых затрат в данном предприятии составит нечто вроде дебета капиталистического счета. Что-же составит его кредит? Если мы бусем следовать Марксу, то результаты производства определяются трудовой ценностью, которую ямеют произведенные продукты не в условиях данного производства, а с точки зрения условий, которые, вообще, следует признать нормальными; ценность продуктов определяется общественно-кеобходимым врененем для вх производства. Но спращивается, как нам найти это общественно-необходимое время производства продукта? Здесь, мы опять-таки от Маркса не получим определенных указаний. Мы думасм, что здесь была бы неуместна какая-либо отвлеченная поиструкция нормального производства. Нам придется признать общественно несбходимой ту стоимость производства, которая является средней вз стоимости производства отдельных предприятий и из полученных таким образом, вычисленных стоимостей взять среднюю арифметическую или, что еще лучше, взять среднюю стоямость в соотношении с учетом размера производства.

Если мы так попытаемся подойти к решению занимающего нас вопроса (а этот путь нам представляется наиболее согласованным с учением Маркса), то, поскольку народное хозяйство ебслуживается одним предприятием, наш трудовой учет нам все таки ничего не может дать. Он также мало плодотворен при ограниченном числе предприятий, обслуживающих народное хозяйство. Но предположим, что таких предприятий много. Что-же

в таком случае нам даст этот учет?

В этом случае наши предприятия разделятся на две группы. Из ник одна группа покажет превышение кредита над дебетом, другая группа покажет превышение дебета над кредитом. Казалось бы, что в этом случае, при наличности большого числа предприятий, мы, наконец, получим ценные указания на то, какие мменно из наших преприятий ведутся рационально, и какие—нерационально.

Однако, эти указання могли бы претендовать на объективное значение лишь в тех случаях, которые ис часто имеют место,—в случаях, когда все предприятия построены по более или менее входному плану, т. е. с более или менее схожей комбинацией труда различной формы и различной квалификации. Только в этом случае условности приведения к единице труда различной формы в различной квалификации не подрывали-бы значения нашего

10 (12)

учета. Но эти случан и редки да и не представляются особенно псучительными. Больший интерес представляют те более многочисленные случан, когда имеются существенные различия в организации производства того же самого продукта, и когда, сле-ДОВАТЕЛЬНО, 6 различных предприятиях имеется своя особая комбинация труда различной формы и различной квалификации. Но именно, в этих случаях условности приведения к единице труда. разной формы и разной квалнфикации подрывают значение всего учета. Если в одном производстве, усиленно непользуется труд такой формы, который в обществе слабо представлен, и в котором оно остро пуждается для отправления своих наиболее существенных функций, если труд этот, в соответствии с господствующими в социалистическом обществе эгалитарными тенденциями, будет засчитан в расходи производства по оценке, лишь немногим превышающей труд низслей квалификации, который имеется у общества в избытке, ссли при этом трудовая стоимость произволства продукта окажется низкой, то все-же было-бы весьма сомнительно, чтобы именно в этом направлении следовало в дальнейшем развивать проязводство. Последнее, быть может, как раз следовало: бы развивать в направлении максимального использования форм: труда, которыми общество располагает в изобилии, чтобы нам учет трудовых затрат ни говории.

Но трудовой учет теряет какос бы то ни было значение, когов втоденьные предприятия поставлены в различные естественые условия, или если они в различных соотнешениях используют капитал. Представим себе ряд сельско-хозяйственых предприятий, которые поставляют однородные продукты на один и тот же ринок, но которые расположены на почвах различного плодородия и для которых транспортные затраты различны, Какое значение имеет иля таких хозяйств сравнение трудовых затрат с точки зренвя контроля правильности их организация? Да, решительно никакого, но в даннем случае не введено в расчет значение выгод естественных условей и положения по отношению к рынку.

Представим себе дальше, что какой-нибудь промышленным продукт, напр. пеньковые канаты производятся, с одной стороны, на хорошо оборудованных канатных фабриках и, с другой, в кустарных мастерских. Трудовой учет в нормальных условиях покажет, что фабричные канаты обходятся дешевле, чем канаты, произведенные кустарным способом. Следует ли из этого, что производство надо развавать путем расширения канатных фабрик, а не расширения кустарных мастерских? Этот вывод был бы совершение правилен, если бы социалистическое общество обладало неограниченными возможностями в творчестве капитала. И сожаленю, такими возможностями не располагает ни капиталистическое общество, ни социалистическое, хотя об этом многие готовы забыть. А из-за ограниченного количества наличного каличала конкуррируют все отрасли народного хозяйства, и выгодно-ли его направить, именно, на канатные фабрики, а не на

ваводы сельско-хозяйственных орудяй,—это еще подлежит рассмотрению. Таким образом, из того обстоятельства, что фабричвые канаты, согласно трудовому учету, обходятся дешевле вустарных, нельзя сделать вывода, что надо расширять канатные фабрики; при сильном обендении народного хозяйства капиталом, возможно и так, что канатные фабрики, использовав по воможмости наличные машины, надо постепенно ликвидировать, а все канаты производать в кустарных мастерских. И наше разоренное социалистическое государство именно так поступало сплошь и

рядом,—и поступало правильно.

Итак, тот факт, что производство представляет собою всегда взаимодействие трех факторов: пруда, капитала и природы, имеет всее значение и при социалистическом строе и игнорировать себя не позволяет. Правда, создатель научного социализма в І-ом томе "Канитала" пытался этот факт игнорировать и исходил из ноложения, что труд есть единствениял основа меновой ценности. Но в ІІІ-ем томе "Капитала" он дал другую теорию меновой ценности, учитывающую участие в производстве двух других факторов, едва ли совместимую с теорией ценности І-го тома. Хотя и вторую теорию с точки зрейня современной политической экономии смедует признать устаревшей, по все же она стоит не в стольрезком противоречии с действительностью, как теория, развитал в І-ом томе "Капитала".

IV. Трудовая стоимость и рыночная цена-

Итак, трудовой учет не мог нам дать даже сколько-нибудь цемных указаний о сравнительной выгодности наших предприятий. Не жроме того, мы усматриваем, что он и в лучшем случае не может нам дать тех решающих указаний, без которых регулирование общественного производства, вообще, является не осуществимым, — указаний, которые ценностный учет в капиталиестическом хозяйстве дает. Капиталист в бухгалтерские книги своего конкуррента заглянуть не иожет, они для него-коммерческая таниа. Да, ему это и не необходимо, ибо он от народного хозяйотва получает непосредственную директиву, может ли он приданной организации вести свое предприятие, или не может. Дело в том, что расчету себестовмости продукта у него протиностоит дена продукта, которая родится на рынке как-то независимо от того, что деластся в мастерской. У нас же себестонности продукта противостоит величина, которая является производной от себестоимости же продукта, но не в данном предприятии, а ве всех предприятиях, обслуживающих рынок, пос, согласно учению Маркса, эта средняя себестоимость и соответствует ценности продукта. Когда анализируется стихийно сложившееся явление, то при внализе его можно легко впасть в ощибку, но последнюю

не трудно вскрыть при попытке сознательно воссоздать этот

процесс.

Представим себе, что наше социалистическое хозяйство унасмедовало от клинталистического все его кружевные фабрики и
кружевные мастерские. Представим себе, что мы имеем дело с
фабрикой, которая производит кружева с загратой труда, значительно инашей общественно необходимого рабочего времени.
Следует ли поддерживать и даже, может быть, расширать эту,
кружевную фабрику, или нет? В обществе, члены которого не
могут утолить голода, членам которого не во что одеться, нечем
согреть своего угла,— такого вопроса ставеть не приходится.
В этом обществе кружева потеряни... потеряли "ценность". Доджен извиниться перед читателем; развивая теорию марксистского
социализма, я счатал долгом пользоваться и его терминологией.
Но на этот раз я примения "ценность" не в марксистском смысле,
мбо другого слова не прядумаешь.

Возьмем другой пример. Предположим, что социалистическое общество, находящееся в блокаде, унаследовало от каниталистического общества много фабрик кос. Предположим, что некоторые из них мало продуктивны, и косы в них производятся с трудовыми затратами, далеко превышающими среднюю норму. Что-же мы их закроем? И этого вопроса не приходится ставить, ибо несомненно, что при налични таких условий мы были бы готовы воспользоваться малейшей возможностью сооружать даже и менее

продуктивные фабряки кос.

Эти два примера с полной определенностью нам показывают, что существуют какие то явления цепности, которых марксизы не знает, или не желает знать; эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она явлиется функцией общественных потребностей. Что она может изменяться независимо от трудовой стоимости, - это ясно из приведенных примеров: пичего не изменилось в хозяйстве кружевной фабрики, а кружева обесценились; ничего не изменилось в хозяйстве фабрики кос, а ценность их поднялась. Вот этот феномен, и только этот, современная политическая экономия, стенщая на почво великих достижений Менгера, Дженонса, Вальраса, и подводит под термин ценность (Wert, value, valeur); то-же, что Маркс казвал трудовой ценностью, современная политическая экономия признает одной из форм стоимости (Kosten, cost, frais de production). Оба эти понятия в современной политической экономии, в противоположность политической экономии марксизма, очень определенно разграничены, — и не без пользы для науки. В юснове явлений ценпости лежат суб'ективные оценки, они суммируются и об'ективируются в рыночной цене, которая и выявляет папряженность социальной потребности в товаре. В процессе установления рыночной цены не только рантье, (как это готов допустить Н. Бухарин) исходит по своих потребностей, но так поступает и пролетарий. И он, придя на рынок и найдя там теплое пальто

13

и тончайшие брюссельские кружева, не будет интересоваться тем, много-ли труда затрачено на шитье пальто и на плетение этих тончайших кружев. Он будет считаться только со степенью настоятельности своих потребностей; если подоспела холодная осень, то он дает надлежащую цену за пальто, а за кружева он дал бы очень мало, если бы установление цен на них зависсло от него. Но на рынок заглядывает еще рантье, и он уже наверно не витересуется тем, много или мало трудятся брюссельские кружевницы; за то он хорошо зпает прихоти дамы его сердца, и его толстый кошелек позволяет ему удовлетворять им, и он дает цену, которой и вознаградится в большей или меньшей степени

труд брюссельских кружевниц.

Вот эти-то, выражающие напряженность спроса на товары имущественно дифференцированного каняталистического общества, рыночные цены фабрикант и регистрирует при продаже своего товара и заносит в кредит счета производства. И, определив свой кредит, он уж может судить, велик его дебет, или нет. Так, капиталистическое общество в рыночных ценах дает повелительные дерективы всем организаторам производства и приказывает им регулировать сообразно этим ценам свои затраты. Вот, почему под длительным давлением этих директив устанавливается известная пропорциональность между рыночными ценами и издержками производства (но не между ценами и трудовыми ватратами, ибо труд-только один из факторов производства, и, следовательно, он составляет лишь один из эломентов затрат), и вот почему до тех пор, пока наука не исследовала законов суб'ективных оценок и способа их сложения и об'ектирования в рыночные цены, даже весьма проницательные умы, как Давид Рикардо, а за ним и Карл Маркс, могли приходить к ошибочному выводу, что издержки производства могут определять рыночные цены.

Впрочем, и творец теории затрат Давид Рикардо не мог ее выдержать в весьма широкой области образования цен на продукты сельского хозяйства. Относительно них Рикардо вынужден. был признать, что их цена соответствует не средней стоимо ти, а предельной стоимости производства. Предельная же затрата в сельском хозяйстве определяется напряженностью спроса. Следовательно здесь он признал приоритет спроса в фиксации цены. Ту же теорию образования цен на сельско хозяйственные продукты признал и Карл Маркс. Современная политическая экономия признает этот последний способ определения цен продуктов, который был в теории Рикардо слишком широким исключением, чтобы не подрывать теории.—его она признала единственным.

Соотношения рыночных цен в каждый данный момент определяются то ько общественными потребностями. Вследствое постоянного изменения в условиях потребления, полной пропорциокальности между рыночными ценами и издержками производства викогда не может быть; она мыслима лишь в фингированном "ста-

ционарном государстве" с его "нормальными" ценами. На рынках нашей социалистической республики товары продаются, как и на всяком другом рынке, по ценам строго соответствующим потребительным нуждам общества, но зато без малейшего соответствия со стоимостью их производства, ибо последнее у нас настолько дезорганизовано, что оно не может реагировать на указания рынка. Мало того, у нас на рынках реализуется множество хозяйственных благ, не пмеющих никакой стоимости производства, ибо их воспроизвести невозможно, но их цены вполне рационально выводятся из данного состояния общественных потребностей.

Откуда же наше социалистическое хозяйство получит свои директивы для организации производства, наким образом его руководители измерят степень напряженности общественных потребностей? Как мы видели, наш трудовой учет в лучшем случае мог бы только указать сравнятельную выгодность производства продуктов в том или пругом предприятии, но он совершение бессилен дать какие-либо абсолютные указания о том, выгодно ли, сообще, данное предпринтие, или пет. Правда, в вышеприведенном случае государство могло бы решительно ваявить, что пружев ему производить не приходится. Но ведь это случай исключительный. Мы взяли государство, находящееся в исключительно тягостном положении, и выбрали предмет, удовлетворяющий исключительно изысканным потребностям. В подавляющем большинстве случаев товар имеет смысл произвести при одних затратах и не имеет смысла производить при других затратах. Где же в социалистическом хозяйстве найти мерило выгодности производства?

Вопрос этот столь же остро ставится и для внешней торговли. Что покупать на иностранном рынке: муку, фасоль, селедки, или, может быть, ботинки и медикаменты? Где тот механизм, с помощью коего наш Внешторг приходит в связь с потребителями страны? Откуда он знает, что такая то цена на товар является приемнемой, а другая цена является неприемлемой? Эти во-

просы остаются без ответа.

Марксист С. Струмилин, который попытался вникнуть в проблему учета в сопиалистическом хозяйстве и который, в противоположность нам, настанвает на объективном значении трудового учета, все же вынужден был признать его, в согласни с нашим мнением, совершенно недостаточным для регулирования социалистического производства 1). Он считает необходимым ввести понятие полезности хозяйственных благ. Трудовые затраты должны распределяться в производстве в соответствии с полезностью произведенных с их помощью благ. Мы видим, такны образом, что С. Струмилин пытается воспроизвести в социали-

f () С. Струмилин. Проблема трудового учета. "Экономическа

отическом обществе как раз тот мехапизм, который, согласно возвреняям современной политической экономии, действует в капиталистическом хозяйстве. Задача им поставлена правильно. Терминология у него при этом остается марксистской. То, что он именует ценностью, в современной политической экономии именуется стоимостью, а то, что он именует полезностью—име-

нуется ценностью. Но это, конечно, несущественно. Анализеруя явления полезности хозяйственных благ, С. Струминин обнаруживает в них черту, которая довольно знакома экономической науке. Оказывается, что с увеличением каждого козяйственного блага его полезность понижается. С. Струмилин вспоминает исихофизический закон Фехисра об уменьшении интенсивности реакции с повторением раздражений. Признаться, читая соответствующие рассуждения С. Струмилина, им были удивлены, как это почтенный экономист не вспомнит про учение предельной полезности, которое и является перепесением упомянутого закона в область экономики. Или и С. Струмелин принадлежит к тем весьма общирным кругам русской интеллигенцви, которые приняли "Капитал" Маркса, как святой коран, и согласно формуле, принисываемой Омару, полагают, что, если последующая политическая экономия повторяна "Капитал"; то она во нужна, ежели-же она утверждала то, чего нет в "Капитале", то она, наверно, не нужна.

Но как-бы странно ни звучали рассуждения С. Струмилина, как бы впервые открывающего истипы, которые в политической экономии давно открыты, он верно поставил задачу регулиро-

вания социалистического хозяйства.

В противоположность нам, он уверен в том, что регулирование хозяйства вне контакта с рынком вполне возможно. Он берется априорно вычислить полезность хозяйственных благ, пользуясь известной из теории вероятности формулой Данцила Берпулли о моральном ожидании. Он упускает из виду, что формула Бернулли относится к деньгам, т. е. к абстрактному представителю всех хозяйственных блог. Но Даниилу Берпулли не ногло прийти в голову, что кто-нибудь применит его формулу для вычисления падения ценности конкретных хозяйственных благ в зависимости от их количества, наприм., клеба, молока, дров, нальто и галош. Проблема взучения законов, регулирующих их потребление, поставлена недавно и материалов по этому вопросу накоплено мало. Во всяком случае, мы знаем, что у каждого хозяйственного блага проявляется своя закономерность, что нмеются хозяйственные блага с эластичным спросом и с неэластичным спросом, и следовательно, известно лишь то, что одной формулой нельзя обнять зависьмости между полезностью хозяйотвенных благ и их количеством. А затем С. Струмилин упустил ноказать, как он сведет к одной единице полезность различных хозяйственных благ; здесь придется ввести коэффициенты, которые, нодобно коэффициентам при сравнении квалифицированных

к неквалифицированных форм труда, останется назвать извест-

ными, именно потому, что они неизвестны.

Нас поэтому нисколько не удивляет, что наша государственная власть, которая только что, но проекту С. Струмилина, признала трудовой учет обязательным, не стала дожидаться его результатов и не воспользовалась даже формулой Берпулли для априорного вычисления полезности хозяйственных благ, а желая упорядочить государственные предприятия, предложило им ориентироваться на рынок. Правда, наш рынок организован сейчас крайне несовершенно, гораздо менее совершенно, чем при капиталистическом строе. Но все же ориентироваться на нем—лучше, чем блуждать во тьме. Правда, этим наше государственное хозяйство выходит из рамок социализма, как он понимается в марксизме.

Однако, если социалистическое хозяйство не удается наладить снизу путем рациональной организации его учета, то его налаживают сверху созданием статистически обоснованного единого хозяйственного плана. Помимо руководящих центров, в возможность решения этой задачи верит значительная часть нашей интеллигенции, и в связи с этим она жестоко нападает на власть, которая этой задачи до сих пор решить не сумела. Вот и А. В. Чаянов увереи, что придет время и Главки вычислят, сколько социалистическому государству нужно и пшеницы, и молока, и свинины, и сколько можно сцелать затрат на производство кажцого из этих продуктов, и тогда он, базируя на этих данных,

будет иметь прочную почву для организации совхозов.

Нам необходимо, таким образом, рассмотреть возможность создания единого государственного плана хозяйства и его значение для регулирования социалистического хозяйства. К рассмотрению этой проблемы обратимся в следующей статье.

(Продолжение следует).

Следует иметь в виду, что фактически начала монополизации казною торговая сахаром были осуществлены уже раньше из соображений продовольственного характера, вследствие образования центрального бюро, с целью объедвисния закупок сахара по твердым ценам и равномерного распредецения их между отдельными заводами. К монополии продовольственной организации вскоре присоединились соображения фискального характера ввиду необходимости извлечения у населения возможно больших денежных средств, отсюда необходимость отказаться от первоначального плана, согласно которому сахарная монополия не должна была увеличивать налогового бремени, ограничеваясь обращением в доход казны одной только нормальной торговой привыми.

Монополня выражалась в том, что за казной признавалось исключительное право на продажу сахара внутри государства, как и продуктов свекло-сахарного и крахмально-сахарного производства. Казенное управление приобретает весь выработанный на русских заводах сахар (песок и рафинад) по ценам назначаемым министром финансов по районам производства на каждый период сахароварения, учете выработанного на заводе сахара в данном районе. При (в 2 р. 80 к. с пуда). Приобретаемый казпою песок в известной части своей слается на рафинировку либо частным или кооперативным заводеми, либо на учреждаемые казною рафинадные заводы; последние должны оказывать понижающее влияние на расценку рафинада, как важного продукта потребления масс населения.

Оптовая продажа сахара производится казенным управлением из заводов и складов, розничная—из казенных ловок кооперативов и частных торговых заведений, которым продажа поручена казной на комиссионных началах. Продажные цены сахара определяются министром финансов по районам в пределах (низшем п высшем), установленных законодательным порядком (эти пределы были определены в 37 р. 20—57 р. 20 к. за пуд сахарного песку и в 40—60 р. за пуд рафинада)...

На этом мы и закончим историю обложения населения за 1914—17 г.г. Из изложенного видно, что изиболее интересным, в смысле объема работы по увеличению финансовых рессурсов государзлементов социальной справедливости, был бурный 1917 год. Многое из того, что было задумано в этом году и должно было войти в жизнь, естественно вызывало ту или иную критику. Но в общем и целом произведенная в 1917 году работа, которой история не дала возможности осуществиться, не пройдет бесследно для разрешения у насегда довучных, но обусловливающих самую возможность существования государств, финансовых вопросов,

Проблемы народного хозяйства при социалистиче еком стро€.

Б. Д. Бруцнуса.

V. Единый план социалистического хозяйства.

Единый план социалистического хозяйства есть центральная идея марксизма. Благодаря наличию такого плана, социализм не только обещает унаследовать высокую технику капиталистического хозяйства, он надеется дальнейшей концентрацией производства и подбором наиболее совершенных типов предприятий поднять ее на высщую ступень и установить такую гармонию между проязводственной организацией и общественными потребностями, которая в капиталистическом хозяйстве недостижима. Марксизм, как мы указали, говорит об "анархии капиталистического произведства", и он берется ее преодолеть.

Каниталистическое хозяйство развилось в результате стихийного процесса, оно не имсет субъекта, творящего его план. Государственная власть в каниталистических странах ведет, коцечно, свою экономическую политику. Но последнял, отвлекаясь от совершенно исключительных моментов, представляет собою систему частичных мер воздействия на народное хозяйство, которые не задаются целью устранить в нем решающей роль частного интереса и частной инициативы. Постольку можно говорить об

анархии капиталистического производства.

Но анархия, в буквальном смысле этого слова, т. е. отсутствие власти, регулирующей определенные социальные отношения, еще не предрешает того, что эти отношения находятся в хаотическом состояния. В действительности, каниталистическое хозяйство имеет свои, хотя и безличные, регулирующие силы, и последние действуют и весьма отчетливо, и весьма повелительно. Капигалистическое производство регулируется рынечными ценами.

Капиталистический строй ссть строй свободной конкуренини, находящей свое проявление и на ринке предметов потребления,

и на рынке средств производства.

В результате свободной конкурренции между собой потребителей, стремящихся к наилучшему удовлетворению своих но-требностей, и в результате свободной конкурренции производи-

телей, нуждающихся в реализации на рынке определенного количества товаров, цена на отдельные потребительные блага устанавливается на совершенно определенном уровне, уравновешивающем спрос: и предложение. Эта цена соответствует предельной полезности предметов для данного общества, как целого; ее высота устанавливается в зависямости от субъективных оценов и покупательных сил всех его членов.

Цены чутко реагируют на всякое изменение спроса и предложения подобно тому, как стрелка точных весов реагирует на каждое изменение нагрузки их чашек. Эти изменения могут исходить из спроса. Нежданно подскочили ранние колода,-нокупатели выше оценивают свою потребность в теплой одежде: ири количестве ее, заготовленном сообразно с обычными условиями, конкурренция потребителей гонит цену теплых вещей вверх. Случился неурожай в какой-либо в стране, поставляющей значительную часть продуктов питания на международный рынок,-цены на пих растут; а так как потребность в них удовиетворяется в первую очередь, то удовлетворение менее важных потребностей откладывается, и цены на соответствующие продукты падают. Изменения в ценах могут исходить и из сферы. предложения. Мы только, что указали на зависимость цен сельскохозяйственных продуктоя от колебаний урожаев: Обычным в капитамистическом хозяйстве является прогресс производства, позволяющий с теми-же затратами производить большее количество продуктов. Последние могут быть реализованы на рынке лишь по понаженным ценам. Рыночные цены на предметы потребления

производства каждого из них. Рядом с рынком предметов потребления существует рынок средств производства, на котором конкуррируют между собой предприниматели. При совершенной конкурренции цена на каждое из средств производства устанавливается в соответствии с его предельной производительностью, т. е. в соответствии с тем, насколько повышает его включение в данную производственную

определяют объем средств, которые погут быть привлечены для

организацию продуктивность производства.

Таким образом, устанавливается известное подвижное равновесие между потребительными запросами и производственной организацией общества. Оно устанавливается, то на тех, то на других ценах, то на тех, то на других ценах, то на тех, то на других размерах производства. Точка равновесия постоянно передвигается в зависимости от толчков, получаемых, то из сферы спроса, то из сферы предложения—производства. Процесс образования цен протекает стихийно, люде, участвующие в их образовании, не исходят ни из какой теории и редко пользуются какой-либо статистикой. Ни в том, ни в другом предприниматели не чувствуют особой нужды для решения своих текущих практических задач.

И, в общем, должно признать, что этот механизм действует весьма совершенно. Несмотря на отсутствие субъскта народного

хозяйства и плана его, потребности капиталистического общества удовлетворяются с величайшей регулярностью; мало того рынок спешит удовлетворить даже самым изысканным потребностям,

самым капризным пожеланиям потребителей.

Тем не менее, стахийный процесс приспособления производства к потреблению в капиталистическом обществе имеет свои дефекты, выражающиеся в возникновении время от времени перепроизводства товаров, — в невозможности реализовать на рынке товары по цене, покрывающей расходы производства. При общей тесной взаниной зависимости всех элементов народного хозяйства в странах развитого промышленного капитализма через кредитную организацию, кризисы, возпикающие в какойлибо важной отрасли, чаще всего в производствах, изготовляющых основной капитал, в так наз. "тяжелой пидуетрии", имеют тенденцию превращаться в общие промышленные кризисы, эти кризисы перепосятся из страны в страну и получают мировой характер. Опи разоряют капиталистов и вызывают среди рабочего класса бедствия массовой безработицы.

Маркс основную причину кризисов усматривал в неправильном распределении, — в том, что положение трудящихся ухудшается и, благодаря этому, устанавливается несоответствие между быстро растущими производительными силами общества и понижающейся покупательной силой народных масс. В связи с этим Маркс ожидал, что с поступательным развитием капитализма, кризисы будут все более обостряться, пока эта "анархия капиталистического хозяйства" не приведет его к окончательному

крушению.

Действительность не оправдала грозного прогноза Маркса. Кризисы не пренятствуют каниталистическому производству но их миновании периодически вступать в полосы расцвета, во время коих производство подымается на высшую ступень против той, которой оно достигло накануне кризиса. А затем, как раз в стране передового капитализма, в Англии, кризисы имеют тенденцию смягчаться,—периоды промышленного подъема имеют тенденцию без катаклизмов переходить в периоды промышленной депрессии. Промышленный капитализм на высших стадиях развивается в пульспрующем темие. Переживаемых послевоенных кризисов мы здесь, конечно не имеем в виду. Явление промышленных кризисов, видимо, и привело Карла Маркса к решительному отрицанию рынка, как регулятора производства.

Система регулирования производства, предлагаемая научным, социализмом, не имеет пичего общего с системой, действующей в предслах капигалистического хозяйства. Единый план социалистического хозяйства не представляет собою суммы планов отдельных предприятий, как последние разрабатываются в предслах капиталистического хозяйства,—он строится на принципиально отличных основаниях. В сопиалистическом обществе нет рынка. Все распределительные функции централизованы в

специальных органах, действующих согласно Госплану. Все предприятия социалистического государства работают для "общего котла" и снабжаются из "общего котла".

Продукты, в особенности поскольку речь идет о средствах производства, передвигаются в социалистическом государстве вне порядка купли-продажи,—без эквивалентов. Не даром все русские исследователи социалистического хозяйства, Н. Бухарин, А. В. Чаянов, Ю. Ларин, находят в нем черты натурального хозяйства. И действительно, это уподобление следует считать правпльным. Мы уподобили бы социалистическое хозяйство натуральному крестьянскому хозяйству. И в последнем имеются различные угодия, на пашне производятся различные посевы, имеются разнообразные отрасли животноводства и все эти части хозяйства находятся между собой в самом тесном взаимодействии. Продукты сенокосов, настбищ и полей поступают скоту; работа лошадей, навоз используются на полях, огородах и сенокосах; и все эти передачи ценностей из одной отрасли хоаяйства в другую совершаются бсз актов купли-продажи. В крестьянском хозяйстве нет также резкой грани, отделяющей производство от доманинего хозяйства, от потребления, что характернои для социалистического общества.

Это сравнение, на котором наши исследователи социализма, как-булто уснокаиваются, решало бы проблему регулирования социалистического хозяйства, если-бы... если-бы только обе хозяйственные организации были схожи по своим размерам. Крестынское хозяйство можно охватить здравым крестынским умом. Но можно ли нутем соответственной интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какогонибудь маленького государства?! Именно, в таких случаях количественные различия переходят в качественные.

Центральный орган социалистического хозяйства, скажем ВСНХ, чтобы привести производство в гармонию с общественными потребностями, не имея перед собой чуткого барометра рыночных цен, очевидно, віднужден будет прежде всего собрать какие-то данные, чтобы на их основании определить характер и количество предметов, пужных для удовлетворения общественных потребностей; затем ему придстся учесть наличные средства производства, среди которых наибольшее значение имеет такой своеобразный и изменчный элемент, как рабочне сили населения. После этого ВСНХ должен будет распределять наличные-средства производства между основными отраслями пародного хозяйства, и через Главки между отдельными предприятиями, предпраятиях будет производиться местными органами.

У нас вошла в обиход фраза: "Социализм есть учет". И депствительно, не располагая механизмом рыночных цен, социалистическое государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, охватывающим

все стороны общественной жизни, - аппаратом, очень гибким и действующим непрерывно, чтобы улавлявать все изменения. происходящие в этоп жизни. Конечно, таким громоздким и дорогим статистическим аппаратом не обладают и самые культурные государства Запада, и конечно, таким аппаратом не обладает и Россия. Но не будем останавливаться на этих технических трудностях и обратимся и принципиальной стороне рассматриваемого вопроса,

Априорно определить погребности общества в хозяйственных благах? Мы думаем, что у Карла Маркса эта идея возникла под впечателением безотрадной картины положения английского рабочего класса в первой половине истекшего века, которая нарисована в знаменитой книге его друга, Энгельса. Если ка-. питалистическое хозяйство может дать рабочим только минимум средств существования, да и этот минимуы, благодаря периодически наступающей безработице, не обеспечен, то рабочий класс сильно выиграет даже и в том случае, если социализм твердо

обеспечит ему хотя-бы только этот минимум.

Более полустолетия прошло с той поры, когда Фердинанд Лассаль говория столь праматически о "железном" законе заработной платы. По целому ряду причин, среди которых сыграла роль и собственная активность рабочего класса, закон заработной платы оказался скованным из какого-то гораздо более мягкого вещества, чем железо. Трудящиеся в Западной Европе, не говоря уже про Новый Свет, давно отвыкли от того, чтобы удовлетворяться тем, минимумом хозяйственных благ, который безусловно необходям для удовлетворения их элементарных потребностей. Их нотребности,... их не измерить, как, вообще, невозможно измерить потребностей культурных людей. Границы им, конечно, положены, но не извнутри, а объективным фактом ограничевности покупательных средств трудящихся.

Поэтому, поскольку социализм задается целью не понизить. а повысить standard of life трудящихся, его задача совсем не сводится к тому, чтобы определить миницум хозяйственных, благ, необходимых трудяшимся. Надо создать громадную скалу хозяйственных благ, в которых они распределены в соответствии с тем, как потребители эти блага оценивают. Один и те же блага будут фигурировать на различных ступенях этой скалы, ибо в известных количествах они безусловно необходимы, а в дополнительных количествах их значение поцижается. Английский квалифицированный рабочий, член трэд-юннона, привык есть бифштекс и запивать его кружкой эля, он привык жить за городом в небольшом коттадже, сообщаясь с городом по подземной железной дороге (тюб'у), он в воскресенье выходит на улицу в черном сюртуке и шелковом цилиндре. Вероятно, что уже и в Англии рабочий, подобпо его американскому побрату, тенерь привыкает пользоваться фордом. Конечно, докеры ц другие черно-рабочие вынуждены жить гораздо скромнее.

Сам рабочий, конечно, знает сравнительное значение для него различных хозяйственных благ. Вероятно, от бифштекса он ни в коем случае не откажется, ни от первой кружки эля в день; вместо третьей и четвертой кружки эля он, пожалуй, предпочтет иметь третью комнату в коттэдже, если он семейный, дальнейшему расширению коттэджа, он предпочтет черный сюртук, праздничное платье для жены, и т. д. Каждый рабочий имеет свои вкусы, культурные люди не из одного теста сделаны. И все они дают соответствующие директивы капиталистическому рынку, где бескопечно разнообразные запросы суммируются без всякой статистики.

Но как мы, служащие социалистического ВСНХ, разрешим априорно эти вопросы, какия мы имеем для этого объективные данные, коль скоро нет рынка, на котором степень напряжен ности соответствующих потребностей могла бы получить выражение со стороны самих потребителей. Однако, априорное вычисление хозяпственных благ. необходимых для удовлетворения самых минимальных потребностей, при отсутствии рынка, не . представляет из себя такой легкой задачи, как многие это себе

представляют.

Начием с пищи. Пусть статистика даст пам достаточно свежие и точные данные о численности населения, о его ноловом и возрастном составе, о характере его заиятий. Далее физиология даст нам указания о количестве нищевых калорий, необходимых людям разного пола и возраста при различной напряженности труда. Наука указывает нам, какой в пище должен быть минимум белка; остальные калории могут быть покрыты углеводами и жирами. Зная теперь состав пищевых веществ, мы можем следовательно составить рацион, в котором имелось бы достаточное количество калорий, в том числе и в форме белков. Необходимо все же заметить, что все эти подсчеты весьма приблизительны, ибо количество калорий необходимых взрослому: рабочему колеблется в очень широком масштабе в зависимости от напраженности работы, в пределах от 21/2 до 8 тыс. в день; пищевие средства имеют весьма непостоянный состав, а апализпровать каждую порцию их не представляется возможности. Но главная трудность не в этом.

В 90-ых годах прошлого столетия, основатель современной энергетической теории питания, германский физиолог Рубнер выставил такое положение: если доставлять животному с лищей минимальное количество эперіни, необходимое для поддержания его функции, то организм в некоторой степени относится безразлично к тому, доставляется-ли эта энергия в той или другой форме. Четверть столетия прошло с той поры. энергетическая теория питания сохраняет, конечно, свое значение, но в нее внесено множество дополнений. зму, как это давно известно, необходим известный минимум белков, но оказывается, что белки белкам рознь, —есть белки пол-

ноценные и есть белки неполноценные, но и без первых обойтись нельзя. В пище обязательно должны заключаться и лецитины, и нуклении, и мало исследованные витамины. Далее оказалось, что и жиры жирам рознь. Поэтому и при достаточном количестве пищевых калорий, и дажепри достаточном количестве белков, можно всетаки довести население до массовых заболеваний цынгой.

Нам, может быть, возразят, что если ВСНХ во всеоружин науки не может подобрать соответствующего рациона и не может дать надлежащих директив производству, то как же сумеет это сделать обыватель? Но последнему никакая наука не нужна, он чувствует состояние своего желудка и своего организма и, следуя своему инстинкту, говорит, что ему что-то очень хочется мяса, или янц, или творога, или морковки. А инстинкт его не обманивает. И при налични рынка эти запросы на нем суммируются, и получаются надлежащие директивы производству, гораздо более правильные, чем может дать физиология со статистикой вкупе.

Но задача определения потребности в пищесих продуктах не самая трудпая. Ито возьмется вычислить сколько пужно населению Петрограда дров для избавления его от страданий от холода? Если ын воспользуемая старыми нормами, то они явно неприменимы теперь, когда приходится согревать отдельные квартиры и даже отдельные комнаты в опустевших домах или в домах, которые по всей своей конструкции приспособлены к центральному отоплению. Повых же норм нет, да и как социалистическое общество может выверить свои априориме норми, когда нет механизма, выражающего напряженность потребности

обывателей в дровах?

С определением норм для одежды обстоит еще хуже, ибосколько-бы мы ни настанвали, в виду тяжелого положения рес, публики, на том, что граждане вправе от нее требовать удовлетворечия лишь своих минимальних потребностей, в этой области невозчожно отденить необходимых потребностей от условных, конвенциональных. Пусть уже мы, мужчины, помпрились оы на самой элементарной одинаковой одежде, но могучий инстинкт не позволит женщинам номприться с таким положением. В условиях свободного менового хозяйства женщина урежет себя в лице, чтобы придать известный эстегический оттенок своей одежле. В праве ин наша республика даже в том тяжком положенци, в каком она сейчас находится, подавить этот инстинкт? Мы думаем, что нет. Но производством какого количества не обходимых предметов республика должна ножертвовать для удовлетворения минимальных потребностей женщин в укра-

Нам скажут, но разве государство и при капиталистическом строе не берстся по определенным нормам удовлетворять потребностям известных групп населения," и разве оно с этой задачей

не справляется вполне удовлетворительно? Перед нами самый разительвый пример—содержание громадных армяй. Но в данном случае задача до чрезвычайности упрощена. Мы имеем здесь комплекс людей одинакового пола и возраста, исполняющих однородную работу и размещаемых вместе. Вся эта масса обозрима, с ней поддерживается тесный контакт, и последствия того или другого способа ее содержания—на виду. В момент, когда коммунизм находился у нас в апогее своего развития, у нашей государственной власти мелькала мысль, что в столь же однородные условия могут быть поставлены ее граждане. Отсюда опыты создания домов для рабочих, практика механических вселений и уплотнений, коммунальные столовыя. Однако, прочеланные опыты были жало удачны. Свою программу провести до конца, ибо ее предпосылкой должна была-бы быть отменя моногамного брака, чего последовательно и требовала гр. Коллонтай, но на что паша власть не шла.

Итак, даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического апарата, соцналистическое государство не в силах измерить, не в силах взвесить потребностей своих граждан, а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству. Но все же не в этом заключается самая слабая стюрона социалистического хозяйства, — она заключается в его стремлении централизовать в руках своей бюрократии все распределительные

функции.

В условиях свободного менового хозяйства, каждое предприятие непрерывно отстаивает себя в борьбе за существование. Ему постоянно пужны новые материалы, ему надо обновлять свой основной капитал, его рабочие должны ссть каждый день, и используемый в'нем капитал должен отбрасывать прибыль. Средства для этого ово добывает себе само от народного хозяйства; вынося свои продукты на рынок. Если эти продукты имеют ценность в народном хозяйстве, если производительность предприятия высока, то рынок даст предпринимателю достаточно средств в форме всеобщего эквивалента. На выручениме деньги он сам приобретет материалы, обновит машины, оплатит рабочих и служащих; а их остаток составит его прибыль, и при достаточных размерах, он часть ее может употребить на расширение. производства. Если его предприятие докавало свою жизнеспособность, народное хозяйство открывает предпринимателю кредит, дозволяющий ему расширить производство за пределы того, что ему позволял бы его собственный капитал. Наоборот, если производительность предприятия низка, средств, вырученных на рынке от реализации продуктов- его, будет недостаточно для продолжения производства; это для него memento mori,—народное! хозяйство не позволяет растрачивать несовершенной производственной организацией своих средств. Словом, развитие каждого капиталистического предприятия стоит в точном соответствии с его производительностью.

В социалистической хозъйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и между его питанием прямой связи здесь нет. Мы имеем здесь два акта: первый продукт предприятия поступает в "общий котел", и второй-из "общего котла" предприятие получает необходимые ему средства для дальнейшего производства. Круговорот хозяйственных благ не совершается в социалистическом обществе на основании совершенно регулярных, закономерных актов купли-продажи, не зависимых от взглядов отдельных участвующих в них лиц, а определяемых рыночными коюнктурами. В головах некоторых служащих ВСНХ акт поступления продуктов в "общий котел" и акт поступления оттуда средств производства иля продолжения предприятия, могут быть приведены в связь. Но связь эта весьма неопределенная.

Если бы даже социалистическое государство и предложило служащим ВСИХ руководиться соответствием этих двух актов, то они не состоянии ее констатировать по указанной уже причине, -- за отсутствием в социалистическом хозяйстве ценностного учета. Данный совхоз предоставил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, минеральных удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прозодежды, топлива и т. п.? Попытка решить эту задачу, сделанная нашим авторитетным специалистом в области экономии сельского хозяйства, А. В. Чаяновим, не состоятельна, таково мнение не только наше, но и марксистов. Она несостоятельна, ибо, как мы показали, в пределах безрыно ного

хозяйства эта задача неразрешима.

Итак, если-бы даже служащие ВСНХ стояли твердо на принципе, что питание предприятия должно соответствовать его производительности, если-бы даже они имели возможность взять на себя гигантский труд изучения каждого из бесчисленных предприятий, с которыми они имеют дело, то, в конце койдов, мы не могли бы им дать объективного крптерия для оценки этих предприятий. Все будет зависить, и не может не зависить, от их усмотрения. А, вместе с тем, большой простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находящемся в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вызываются иными соображениями власти.

А между тем и положительна оценка ВСНХ того или другого экономически здорового предприятия далеко не обеспечивает его нормального развития. Заведивание распределением

отдельных продуктов и средств производства в порядке разделения труда необходимо поручить отдельным учреждениям,-Главкам: Перед каждым из иих конкуррирует целый ряд предприятий, и все они конкуррируют бумагами и словами, которые ведь дешево стоят, в противоположность тому, что происходит в капиталистическом хозяйстве, где конкурируют деньгами. Все требуемые средства производства комплементарны, только вкупе / они делают продолжение производства возможным, и надо, что бы во всех Главках по данному предприятию состоялись одинаковые. заключения и с соответственным численным их выражением. Задача эта бесконечно более сложна, чем она была в каппталистическом хозяйстве, где в худшем случае приходилось делать ту или другую надбавку при приобретении того или другого средства производства. Неудивительно поэтому, что стройное функционирование предприятия в социалистическом государстве есть не правило, а исключение. У семи илиек дитя без глазу... Единогласно признано, что Грозненский нефтяной район функционируст лучше других, и наличие такого убеждения- не помешало району остаться без продовольствия. Кто сомневается в том, что астраханские рыбные промыслы в России-важнейшие? Тем не менее они остались без сетей, и миллионы пудов рыбы пропали, так как нижегородским кустарям, искона изготовляющим сети, не был предоставлен материал для их плетения. Скажут, что это непалаженность. Но может-ли что-нибудь подобное случиться в совершенно неналаженном, анархическом капиталистическом обществе? Конечно, нет. Имея такой драгоценный продукт, как нефть, предриняматель конечно всегда найдет хлеб для тех, кто ее вырабатывает. Точно также скупщик сетей всегда найдет для своих кустарей материал; в худшем случае он заплатит лишний золотой рубль за пуд неньки, который астраханский промышленник ему, копечно, возместит.

Разница эта обусловлена, конечно, не тем, что в капиталистическом обществе хозяйством руководят более интеллигентные и более добросовестные люди чем служащие ВСНХ, а тем, что формы экономической организации здесь принципиально различные. Оказывается, что у социалистического хозяйства, в действительности, нет никакого механизма для координирования каж-

дого отдельного производства с народным хозяйством.

Отсюда иполучилось то обстоятельство, что только те предприятия сохранили в Р. С. Ф. С. Р. свою жизнеспособность, которые, несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они были далско не картонные, не утрачивали своих связей с вольным рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров. Мало того, в конце концов, эти предприятия, не питавшиеся государством из "общего котла", давали и государству больше, чем состоящие у него на полном содержании.

Нам могут сказать: а разве в самом капитализме не замс-

чаются тенденции к централизаци?

Ведь социализм с сущности делает дальнейшие шаги в том-же направлении, в каком развивался и капитализм. Действительно, Standard Oil Company распоряжается всей северо-американской нефтяной промышленностью, а стальной трест-всей металлургией. Не даром, в подражание американцам, слово трест стало теперь налюбленным в нашей социалистической практике. Однако, между капиталистическим трестом и социалистическим остается принципиальное различие в организации. Капиталистический трест всетаки ориентируется на рынок, социалистический-же его отрицает. Капиталистический трест реализует свой товар- на рынке и в порядке свободной конкурренции сдругими предприятиями привлекает рабочих, закупает двигатели, орудия, металлы и т. п. Он отличается от других каниталистических предприятий лишь иным способом формирования цен на свои продукты. Но и эти цены не определяются одностороние, попроизволению треста. За всяким повышением цены продукта следует сокращение спроса и следовательно повышение расходов, падающих на единицу продукта. Поэтому образование треста не предрешает еще фиксации цен на высоком уровне. При более дальновидной политике тресты часто понижают цены ниже нормы, наиболее выгодной для них в данной момент, чтобы приучить более широкие слои населения к пользованию данным продуктом, чтобы предупредить распространение конкуррирующего предукта. Итак, тресты, не только по своим целям, но и по своей экономической организации имеют мало общего с социалазмом...

Мы могли-бы на этом закончить наше исследование. Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие
с общественными потребностями, не состоятельна. Стремясь
преодолеть: "анархию капиталистического производства", социализм может подвергнуть народное хозяйство в "суперанархию",
по сравнению с которой капиталистическое государство являет
собой картину величайшей гармении. Но мы могли-бы на этом
остановиться лишь в том случае, если-бы маркензм представлял
из себя научную теорию и больше ничего. В действительностиже марксизм, в качестве экономической программы, стал преобладающим лозунгом величайщего общественного движения современности... Это обязывает нас рассмотреть марксизм и с другах существенных точек зрения.

VI. Проблема распределения и социализм.

Прочтя настоящее заглавие каждый социалист скажет, что проблема распределения имеет интерес только в обществе, в котором владеющие классы под видом ренты и прибыли присваввают себе продукт чужого труда, по такой проблемы нет и не может быть в пределах социалистического общества, ибо рабочин получает в нем полный продукт своего труда.

Однако, депствительно-ли социалистическое общество может выплачивать рабочему полноценный продукт провзводства без всяких отчислений в счет используемых им в процессе труда природных сил, носкольку они даны в ограниченном количестве, н капитала? Не приведет-ли такой порядок к нелепостям и даже...

к несправедливостям? Исследуем.

Социалистическое общество посылает две группы рабочих на два рудника. Обе они трулятся одинаково усердно и искусно в наламывают одинаковое количество руды. Но из одной руды добывает железо, а из другой платину. И в социалистическом обществе платину будут ценить выше, чем железо. Будет-ли социалистическое общество платить каждой группе в соответ-

ствии с произведенными ими ценностями?

Возьмем другой случай. Социалистическое общество предоставляет двум равночисленным группам сельского-хозлиственных рабочих два участка. Они проработали год с одинаковым усердием и искусством, а в результате, вспедствие разнокачественности участков, на одном из них получилось в 11/2 раза больше продуктов, чем на другом. И в социалистическом обществе 11/2 п. верна ценятся выше, чем 1 пул. Вудет-ли социалистическое общество платить обеим группам рабочих в соответствии с

произведенными ими ценностями?

Нам возразят, что платиновый рудник следует использовать интенсивнее, чем железный, и плодородный участок-интенсивнее, чем малоплодородный, и тогда предельной затрате труда будет соответствовать продукт одинаковой ценности. Но ведь это не меняет элементарного факта, что группа рабочих на платиновом руднике в целом вырабатывает больше ценностей, чем группа рабо шх на железном руднике, и что группа рабочих на плодородном участке в целом вырабатывает больше ценностей, чем на налоплолородном. В связи с этим в пределах капиталистического общества, при одинаковой оплате труда и капитала, на платиновом рулнике осаждается большая рента, чем на железном, а на плодородном участке большая, чен на малоплодородном.

Вернемся тенерь к уже использованному для другой цели примеру производства канатов на фабрике и в кустарных мастерских. На фабрике группа рабочих произведет больше канатов и, может быть, лучшего качества, чем такая-же группа ра-

бочих, трудящихся столь-же усердно и некусно в кустарных мастерских. И в социалистическом обществе канаты ценятся пропорционально их количеству и в соответствии с их качеством. Будет-ли и в данном сучае социалистическое общество выплачивать ценность полного продукта производства обеим группам рабочих?

Ответы на поставленные вопросы не возбуждают сомненяй. Очень последовательные социалисты могут, пожалуй, отмахнуться от поставленных нами вопросов заявлением, что они, вообще, не считают нужным ставить вознаграждение рабочего в зависимость от результатов производства. Однако, последовательное проведение этого принцапа невозможно. И русскип коммунизм первоначально сильно тяготел к принципу: "работать по способностям и получать по потребностям". Но наша власть скоро признала губительное влияние этого принципа на интенсивность труда и вынуждена была перейти к системе премиальной оплаты труда, а затем и к системе коллективного снабження, имеющей целью привести оплату труда в еще более строгое соответствие с его результатами. Но если социалисти: ческое общество, подобно капиталистическому, вынуждено диффиренцировать вознаграждение трудящихся, то, очевидно, что оно будет это делать в соответствии с продуктивностью труда лишь постольку, посколько последияя определяется его интенсивностью и проявлениям искусством, а не поскольку на нее влияют природная обстановка и большее или меньшее обилие оплодотворяющего труд капитала. Но тогда и в пределах социалистического общества в продукте производства приходится разлячать долю, которая должна быть.... вменена (нельзя не согласиться с П. Б. Струве, что соответствующий термин австрийской школы, "zurechnen", чрезвычайно удачен) труду, и доли, которые должны быть вменены природой обстановке и капиталу. В капиталистическом обществе последние две доли именуются рентой и прибылью; если эти два термина неприятно звучат для социалистического уха, то можно было-бы придумать какие-нибуль новые термины, но ведь существо дела от этого не изменилосьбы. Нам приходится вспомнить тот вывод, к которому мы уже пришли при изучении проблемы трудового учета: "тот факт, что производство представляет собою всегда взаимодействие трех факторов: труда, канитала и природы, имеет свое значение и при социалистическом строе и не позволяет себя игнорировать". H так, прибыль и рента являются не историческими, а лошческими категориями хозяйства...

Мн чувствуем, что в этом пункте наши экономические воззрения коренным образом разошлись с воззрениями не толькокоммунистов и социалистов, но всей мыслящей русской интеллигенцан, которая вся воспитана на традициях научного социализма. Ведь и покойный Туган-Барановский, который первый на столбцах марксистского органа, "Современный мир", позволил себе развить теорию предельной полезности, в этом отношении остался верным научному социализму,-прибыль и ренту он признал историческими категориями капиталистического ховяйства. Ввиду этого мы опасаемся, что наши читатели не легко помирятся с нашими выводами и будут чутко прислущиваться к возражениям против них. Это обязывает нас войти в их рассмотрение. Попытаемся проследить возможные зцгзаги экономической мысли, направленные к тому, чтобы прорвать цепь нацих умозаключений.

Для защити конценции научного социализма, вероятно, выдвинуто будет такое сто толкование. Маркс, будто-бы, совсем не утверждая того, что ценность данного продукта определяется. именно, трудом тех рабочих, которые участвовали в его создании. Маркс утверждал только, что все ценности, произведенные в определенный промежуток времени в народном хозяйстве, должны быть рассматриваемы, как продукт труда рабочего класса в нелом. В связи с этим и каждого рабочего следует считать производящим при нормальном усердии п умении известную среднюю ценность, независныую от природной обстановки и от степени оплодотворения труда каниталом. Мы могли-бы из І-го тома "Капитала", в котором товар всегда фигурирует, как "кристаллизованный труд", привести достаточно цитат в пользу более реалистического истолкования экономической теории Маркса, а мои оппоненты, наверно, сумели-бы из III-его тома "Капитала" прывести достаточно цитат в пользу своего более абстрактного истолкования теории Маркса. Нам представляется, что, хотя экономические концепции I-го тома теперь устарели, но они отличаются большой отчетливостью, последовательностью, и нотому имели большое значение для развития пауки. Наоборот, концепции III-го тома "Капитала" и менес ясны, и более расплывчаты, а потому имеют меньшую научную ценность. Они являются выражением того, что под конец жизии Маркс поколебался в своей реалистической концепции I-го тома, пытался ее смягчить, но не был уже в состоянии корсиным образом переработать своих воззрений, а потому, надо полагать, не мог закончить разработки свосго труда. Но, впрочем, я не начетчик в Марксе и готов положиться на своих опионентов, что абстрактная концепция более соответствует общему духу марксизма. Однако, это нисколько еще не колеблет наших выводов.

Рабочие двух социалистических республик трудятся с одинаковым усерднем и умением, но труд в одной республике мало оплодотворен капиталом, а в другой им обильно оплодотворен. Результаты труда, конечно, различны. Чему должна быть

вменена разница в продуктивности труда?

Рабочие двух социалистических республик трудятся одинаково усердно и умело, и труд их в одинаковой степени оплодотворен капиталом. Но одна республика располагает только залежами посредственного бурого угля, бедными металлом же-

лезными рудами, мало илодородными супесчаными почвами, и совсем не располагает корошими естественными гаванями, а другая республика располагает прекрасными антрацитами, богатыми металлом железными рудами, илодородными суглинистными почвами и прекрасными естественными гаванями. Результаты труда будут в обеих республиках, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности народных хозяйств обеих республик?

Наши теоретические конструкции могут воплотиться в жизни
 в очень конкретных фактах, и мы можем быть поставлены неред

задачами весьма актуального порядка...

Представим себе, что всемирное торжество социализма совершилось. Но и после этого, конечно, останутся народы бедные капиталом и богатые капиталом. Представим себе, что разоренный русский рабочий обратится канглийскому с просьбой дать ему паровозы, машины, орудия, удобрения и с обещанием через 25 лет вернуть весь этот капитал или соответствующий эквивалент. Процент на капитал есть результат эксплоатации. И может быть, русские рабочие, горичие марксисты, убедят, не любящих теорий, англичан, что пролетариям брать проценты, да еще с пролетариев, — не хорошо. Однако, такая победа русской точки зрения могла бы иметь для русского рабочего класса весьма печальные носледствия. Мы опасаемся, что тогда английские рабочие скажут своим русским товарищам: "Конечно, капитал вам нужнее, чем нам. Но и мы лишним капиталом не располагаем. Вот, американские товарищи имеют, каждый по автомобилю, а у нас і автомобильные фабрики не оборудованы. Мы начали расселяться в городах-садах, и это дело еще очень далеко от своего завершения, и приходится жить в старых мрачных городах, напоминающих горькие времена капитализма. Неужели нам отложить на целое поколение удовлетворение этих наших нужд? Ведь не забудьте, товарищи, что это ведь капиталы не буржуазни, а наши пот и кровь". Мы предоставляем марксистам найти возражения против этих слов английского рабочего народа, ибо мы ничего возразить против них не умеем. Очевидно, что после всемярной социальной революции будет одно из двух: или международная циркуляция капитала прекратится-к тромадиому ущербу не только для развития производительных сил человечества, но и для успехов его культуры, или в международных отношениях категорию процента на капитал пришлось-бы признать правомерной, чтобы о ней ни говорил учитель Маркс.

Теперь мы можем себе представить и другую картину, Будет день и англипский рабочий народ обратится к русскому с такими словами: "Вот у вас, товарищи есть сибирские леса. Использовать их, как следует, Вы не можете, — у Вас нет ни капиталов, ни квалифицированных рабочих, ви организаторов. Разрешите нам эти леса пспользовать"! И с большим правом, чем в предписствующем случае русские рабочие, англичане могли-бы прибавить, и даже не ссылаясь на слова великого учителя: "Не Вы ,русские товаршии эти леса ростили, сами выросли, и пожалуй, не пристало Вам и требовать вознаграждения за их использование". Нод вероятнее всего, что практичным англичанам, еще не изжившим глубоко в них вкоренившихся традиций каниталистического строя, такие мысли в головуче прийдут, и они попросту предложат своим русским товарищам определенное рентное вознаграждение за использование лесов, от которого последние, по всей вероятности,... не откажутся.

Итак, тот метод исследования, на который мы вступили. ввиду возможных возражений со стороны наших оппонентов, оказался особенно плодотворным, ибо он дает возможность от влечься от классовых отношений, которые своим влиянием на нашу эмоциональную сторону обычно затемняют вопрос. Логический характер ренты и прибыли, как категорий всякой хозяйственной деятельности, в интернациональных отношениях высту-

Если-би мон предполагаемые опноненты из лагеря научных социалистов не нашли достаточных доводов против выдвинутых нами здесь положений, то, применительно к прибыли, они наверное сказали-бы, что если она есть логическая категория хозяйства, то в конце концов она должна быть отчислена труду, ибо ведь канитал есть продукт труда. Однако мы не можем согласиться и с этим утверждением научного социализма.

Отвлечемся опять от затемняющих вопрос социальных отношений. Две социалистические республики, в одинаковых природных условиях, с одинаковыми занасами капптала, с одинаково усердным и умелым рабочим классом. Между ними только одно отличие. Рабочий класс одной республики сохрания, в качестве наследия от напиталистического строя, столь распространенное в последнем качество - предусмотрительность. Влагодаря этому, оказывается, что в каждый повый год он вступает, не только сохранив старый канитал, по и приумножив его. Рабочий класс другой республики, наоборот, страдает некоторой непредусмотрительностью. В связи с этим к концу года его капитал оказывается не только не првумноженным, но даже сокративниимся. Если так будет продолжаться несколько лет, то рабочий класс первой республики будет богатеть: он будет и лучие удовлетворять своим потребностям, и ему все легче будет приумножать свой капитал. Наоборот, рабочий класс другой республики, трудясь столь же усердно и умело, будет беднеть; и если даже нужда его обучит благоразумно, то, вследствие низкой производительности, обедневшего каниталом, народного хозяйства, поправить его состоянию будет очень трудно. Конечно богатая, но мирная социалистическая республика, не придет с дредноутами, цепели нами и дальнобойными пушками, чтобы империалистически подчинить свою бедиую соседку, как это нередко случалось. при капиталистическом строе. Надо полагать, что, насытив

питалом свое собственное хозяйство, она его избытки предложит за известный процент своей обнищавшей соседке, и... пущенным на проценты капиталом она выручит из беды дружественный напол впавший в белиость по собственный напол

ственный народ, впавший в бедность по собственному легкомыслию. Приведенный пример, который мы намеренно поставили так, чтобы отвлечься от социальных отношений, нам с отчетливостью показывает, что хогя труд, конечно, является необходимым фактором всякого производства, а следовательно и производства канитала, все-же само по себе производство, а следовательно и труд, капитала не творит. Для создания и даже сохранения капитала необходимо еще что-то... может быть, воздержание? Но термин этот остроумно высмеян Лассалем с номощью картвны толпы капиталистических аскетов с Ротшильдом во главе, которые своим "воздержанием" творят главные массы капитала. Для тех, кто накопляет капитал из скромного дохода, этот акт действительно требует воздержания, но чем доход обшириее, тем термин этот становится менее подходящим, ибо в этих случаях для накопления капитала требуется только благоразумие, расчетливость. Английские экономисты пустили в обращение более объективный термин-"ожидание" (waiting). Но дело не в термине, нам важно было показать, что капитал есть особая категория хозяйственной жизни, происхождение коей не сводится просто к

Очевидно, что в своем протесте против индивидуального присвоения ренты и прибыли научные социалисты зашли слишком далеко, отрицая ренту и прибыль, как логические категории хозяйства, а вместе с тем отрицая особое от труда и производства происхождение канитала. Между тем никакая национальная организация хозяйства не возможна без распределения произведеных ценностей на три категории; заработную плату, прибыль

Мы сделали длинный теоретический экскурс. Но мы вернулись из него с цениыми выводами, конечно, не для марксистской доктрины, по для практического социализма. Уже небольшой опыт русской революции доказывает, что попытка коммунизма сцелать вознаграждение за труд независимим от его результатов приводит неминуемо к параличу энергии трудящихся. В настоящее время наша республика стремится привести вознаграждение за труд в возможно строгое соответствие с результатами труда. В этих условнях совершенно невозможно держаться той точки зрения, что трудящиеся в данном производстве могут претендовать на весь его продукт. В особенности-же с того момента, когда наша республика, прорывая маркенетскую концепцию социализма, разрешает отдельным фабрикам реализовать свои продукты на рынке ("разбазаривать" их, как ворчат твердокаменные марксисты), вопрос приобретает актуальное значение. Вправе-ли рабочие национализированной табачной фабрики реализовать на рынке в свою пользу весь продукт за вичетом, конечно, той его части, ценность коего должна нокрыть амортизацию жанитала, или нет? С марксистской точки зрения ответдолжен быть утвердительный, с развиваемой нами точки зрения ответ должен быть отрицательный. Если канитал принадлежитреспублике, как совокупности трудящихся, если производительность труда зависит от канитала, то она вправе требовать от рабочих вознаграждение за то, что она предоставила им возможность использовать свой труд на фабрике,... она вправе требовать процента на канитал. А если-бы республика предоставила рабочим землю, то она вправе за нее требовать ренту.

Еще явственнее выступает практическая несостоятельность марксистской доктрины в условиях нашей новой экономической политики,—при сдаче в аренду национализированных фабрик. Если рабочим по праву должен принадлежать весь продукт производства, то достаточно того, что им посадыли на шею эксплоатирующего их предпринимателя. На каком-же основании республика требует еще от предпринимателя арендный платеж, который, конечно, ограничивает возможный заработок рабочих? Для рабочих является еще недостаточным утешением тот факт, что, наша республика рабочая, ибо фонд рабочего класс не есть

всетаки доход данной группы рабочих.

С нашей точки зрения, взимая арендный платеж с предпринимателя, республика рабочих нисколько не обижает. Но чтобы ближе разобраться в размерах этого платежа, нам необходимо расчленить каниталистическую прибыль. С точки зрения современной политической экономия она не представляет из себя склада "прибавочной ценности", она делится на следующие довольно определенные элементы: вознаграждение за капитал, вознаграждение за риск, субъективный и объективный, и предпринимательский доход. Очевидно, что республика имеет право на вознаграждение за канитал и за субъективный риск, а частью и за объективный риск; предпринимательский доход и отчасти вознаграждение за объективный риск должны быть предоставлены предпривимателю. Марксизма в такой организации, конечно, нет ни крупицы, но элементы социализма, в более широком смысле, имеются, ибо общество сохраняет за собой нетрудовые доходы, к которым предпринимательский доход не может быть целиком причислен.

А надо признать, что и рента, и процепты на капитал очень и очень приголятся социалистической республике. Прежде всего социалистическое государство ведь фактически несет на себе главный риск производства, и при малейшей непредусмотрительности она свой капитал может загубить. И еще важнее то, что вся конструкция социалистического общества такова, что она убивает у его членов всякий интерес к сбережениям; этим она подрывает в корие столь могучий при индивидуалистическом строе процесс капиталообразования. Таким образом, социалистическое общество должно взять на себя тяжелое, может быть

непосильное, бремя расширенного воспроизводства. И само собою разумеется, что социалистическое общество обязано удовлетворять коллективным потребностям своих граждан, в особенности их культурным нуждам, во всяком случае в более широком масштабе, чем они удовлетворяются в капиталистическом обществе, где культурные нужды в значительной части удовлетворяются за частный счет и по частной инициативе. Не из одних налогов-же собирать нужные для всего этого средства. Налоги легче собирать в капиталистическом обществе, где значительная часть доходов концентрируется, и их труднее собирать в обществе, где они уравнительно распылены.

Наши выводы о природе прибыли и ренты имеют значение также и для родственного социализму, кооперативного движения. Кооперация пока еще живет теориями научного социализма, и это при соприкосновении с рабочим вопросом ставит ее в весьма

двусмысленное положение.

Одной из важнейщих очередных задач для потребительской кооперации, а отчасти и для других се видов, является широкое развитие собственного производства. Эта задача имеет большое значение не только для кооператоров, но и для рабочего класса, ибо кооперативное производство, конечно, будет предпочтительно. строиться на экономии высокой заработной платы и будет оказывать благоприятное влияние и на положение рабочих в капи-, талистическом производстве. По идеология современного социдо крайности запутывает отношение коонерации работающим в ее предприятиях наемным служащим и ра-

В этом отношении очень характерны рассуждения покойного М. Н. Туган-Барановского, кооператора и социалиста 1)... "Весь продукт, производимый на фабрике потребительного общества. говорит ов в полном согласии с учением Маркса, "создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительное общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не создавало прибавочного продукта, и значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу. Но если так, то для чего потребительному обществу устраивать фабрику? Если оно верист себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет дляобщества бесполезно". Вывод Туган-Барановского из сделанной марксистской посылки не только в основе правилен, он даже смягчен. Эта фабрика несомненно вредна для потребительного общества, ибо отвлекает его средства и подвергает их риску. Противоречие здесь получается неизбывное, и в конце концов, Туган-Барановский приходит к довольно грустному для воопе-

М. Н. Тугаи-Варановский. Социальные основы кооперации, страпица 170—181.

ратора и научного социалиста выводу: "Кооператив не может вознаграждать занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта". После этого довольно жалким является самоутешение автора, что кооператив будет применять высшие из нсрм вознаграждения труда, практикуемых в капиталистических предприятиях, т. е. что он будет лишь умеренно эксплоатировать, трудящихся у него: рабочих и служащих. Согласно взглядам современной политической экономии, потребительское общество имеет уже во всяком случае полное право оставить за собой и процепт на капитал, и вознаграждение за риск, и предпринимательский доход, и прибавим на доходы потребительного общества, полученные от капитала, действительносколоченного воздержанием скромных труженников, меньше всего в праве претендовать не только рабочие, но и общество, как целое.

Если, таким образом, и в социалистическом обществе продукт производства должен быть распределен на заработную нлату, на которую могут претендовать рабочие, и на прибыль и ренту, которые должны быть отчислены в пользу заменившего капиталиста государства, то практическое разрешение этой задачи при отсутствии рынков на предметы потребления и на средства производства в пределах марксизма невозможно. В капиталистическом хозяйстве эта задача решается в стихийном процессе конкурренции предпринимателей на рынке средств производства. Притом дело не идет ни для земли, ни для капитала, ни для труда о выработке каких-то средних. Для каждого участка назначается своя рента, для каждой вещной формы капитала—своя quasi-рента и для каждой формы труда соответствующая данным условиям заработная плата. Каждое средство производства при совершенной копкурренции оценивается в согответствии со своей предельной производительностью. В социалистическом обществе, если-бы даже мы опирались на действующий рынок потребительных благ, чего в данном случае нет, мы все-же не сумели-бы выполнить эту задачу вменения с тем-же совершенством, как она выполняется в стихийном процессе.

'Другос дело — условия, создаваеные новой экономической политикой. Раз воссоздается рынок продуктов потребления, а государство воссоздает п рынок на средства производства, то, хотя и в мало совершенной форме, но все-же стихийный процесс

вменения опять восстановияется.

Защищая положение о ренте и прибыли, как логических категориях всякого хозлиства, и о специфическом происхождении капитала, мы не хотели-бы взять на себя ответственности за вывод который делают из них многие экономисты,—о полной и безусловной правомерности индивидуального присвоения земли и капитала, бесконтрольного ими распоряжения и индивидуального присвоения решты и прибыли. И после признания выдвинутых положений этот вопрос еще подлежит особому рассмотрению.

Против приведенных выводов могут быть выдвинуты и после приятия наших положений серьезные возражения. Пусть теперешнее распределение дохода является спедствием указанных нами объективных фактов; определяющих производительность труда, но самое это распределение исходит из данного крайне неравномерного распределения собственности, которое имеет свои исторические кории не столько в экономической жизни, сколько в политическом преобладанни высших классов, а в глубине веков, прямо в насилии и грабеже. А затем производительность земли и капитала есть результат политического и культурного развития общества, а не заслуга землевладельцев и капиталистов. Ведь совсем не далеко от нас время, когда земля без прикреиленного к ней населения не имела никакой цены, а капитал не только не давал дохода, а требовал расхода для своего сохранения. Вот почему в известной мере общество, как целое, может смотреть на землю и на капитал, как на свое достояние, и может претендовать на известное участие в отбрасываемых этими факторами доходах. Эта правовая идея выношена 19-ым столетием, на ней строится современная социальная политика, которая не может основываться только на целесообразности, а должна иметь под собой и известное правосознание. Наша критика, конечно не направлена против этой иден, выстраданной 19-им веком, мы не защищаем принции: laissez faire, laissez passer", мы боремся только против учения, которое желало-бы с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации, принции хозяйственной свободы. К рассмотрению вопроса об отношении социализма к этому принципу нам предстоит тейсрь перейти.

(Окопчание следует).

Проблемы народного хозяйства при социалистическом етрое,

Б. Д. Бруцнуса.

VII. Хозяйственная свобода и социализм.

"Социанизм есть скачок из царства необходимости в царство сво-,--так утверждают Энгельс и Маркс.

Для того, чтобы попасть в католический рай приходится пройти через чистилище; для того, чтобы вступить в социалистическое царство свободы, надо пройти через диктатуру пролетариата. Таким образом, скачок социального переворота преволят нас, пока что, только к диктатуре.

В каком отношении стоит диктатура пролетариата к приппину личной свободы, явствует из самого понятия диктатуры и иллюстрировано русским опытом. Совершенно безнадежны попытки Каутского и русских меньшевиков затемнить этот простой и ясный вопрос сближевием марксистской диктатуры пролетариата с демократией. Маркс, конечко, умел различать эти два понятия, и если он применил термин "двътатура" для характериствии политического режима эпохи, нереходной от капитализма к социализму, то он сделал это не "pour épater le bourgeois", — он для этого слишком серьезен.

Но режим диктатуры, по марысистской концепции, только временный. Правда, Н. Бухарин в своей "Экономике переходного времени" нас убеждает, что дело перестройки общества на новый лад потребует пе отдельных лет, в десятков лет, и русский опыт как будто говорит за то, что этой перестройки не спедует делать слишком стремительно.

Но, как-бы там не было, рано или поздво, когда диктатура продетариата окончательно уничтожат классовое расчленение общества, она себя самое упразднит. Мало того, согласно учению Маркса, тогда начнется в отмирание самого государства. Научный социализм утверждает, что государство есть организация классового господства, — к только. В демократии через государстве осуществляется власть буржузвин над пролетариатом, подавление первым классом второго; при диктатура пролетарната с номощью государства осуществляется обратная задача. Но раз классов больше нет, то становется излишивы в государство. В соправиствиеском обществе нет больше власти людей над людьки, остается только организация производства — власть людей

над вещами, над природой. Социализм, хотя совершенно ними путями, ведет общество в тому-же блаженному безгосударственному состоянню,

в которому призывает его и анархизм.

Вся эта конструкция безгосударственного состояния, однако, приближайшем рассмотрении возбуждает глубокое недоумение. Действительно-ли в соцважестическом обществе осуществияется только власть человека над вещами, над природой?.. Скажем, что в пределах буржуззного общества мно принадлежит дом. Не ясно-ли, что речь здесь идет не об отношении моем к физическому телу, к дому? Речь здесь, очевидно, идет о юридических отношениях меня и моих сограждан по поводу дома. "Мне принадлежит дом", — это значит, что никто из моих сограждан без моего разрешения им пользоваться не может. Но ведь совершенно такой-же правовой характер сохранят аналогичные отношения и в пределах социалистического общества. Вместо домовладельца здесь выступает общество, как целое, которое через свои правомочные органы распоряжается домом, и отдельные граждане помимо этих органов распоряжаться им будут не в праве.

Точно также и организация производства не обнамает только отношений людей к природе. Если нечто подобное можно сказать об изолированиом крестьянском козяйстве, то такое утверждение является чрезвычайно странным по отношению к социалистическому хозяйству. Последнее строится на крупном проезводстве, оно предполагает сильвейшую двфференциацию и обширную витеграцию труда граждан, оно предполагает строжайшее координирование всех отраслей народного хозяйства. Очевидно, социалистическое общество требует от своих сограждан во всяком случае не меньшей двециплины, чем капиталистическое. И в нем устанавливаются весьма сложные взаимоотнешения между гражданами на почве неизбежной между ними мерархии в процессе производства. Затем нет оснований рассчитывать, что в соянании каждого гражданива его интерес отождествится с интересами общества. А раз общество связано сложными правовыми отношениями, раз возможны антагопизмы, если не между классами, то между гражданами, и между неми и обществом, в цолом, то должна существовать и принудетельная организация-государство, которос бы своим авторатетом поддерживало данный строй правовых отношений. Если только люди после утверждения социализма не претворятся в ангелов, то наш вывод едва-ли можно оспаривать. Таким образом, и для социалистического общества идея безгосударственного существования является мечтой. Консчио, формы принуждения могут стать весьма мягкими, но ведь в этому стремится, в не совсем безуспешно, и современное демократическое государство.

Мы не бросим социанизму упрека за то, что он не в состояния осуществить обетований Маркса о безгосударственном бытик. Но зато мы не можем просто положиться и на обещание научного социализма осуществить царство свободы; ны должны рассмотреть, вмеются-ли для этого в социализме соответствующие экономические предпосывки.

Рассмотрим, насколько социализм совместим с принципом хозявотвенной свободы в остановнися на трех ее элементах на своболе хозяйственной пницвативы, на свободе организации потребления и на

Свобода хозяйственной инипиативы вмеет ценность для личности, но емва-ли не большую ценность она имеет лия общества. Исключительно шпрокое развитие производительных сил капиталистического общества стоит в теснейшей связи с принципом хозяйственной свободы, с принципом свободной конкурренции. В условиях свободного менового козяйства никакая производственная организация не имеет монополив на всполнение в пользу общества тех или других хозяйственных функций. Каждая организация может быть вытеснена другой, исполняющей соотресс народного хозяйства.

Не трудно видеть, что условия для проявления свободной инцциативы в соцвалистическом обществе гораздо менее благоприятиы. Прежде всего, при более или менее уравнительном вознаграждении за труд отпадает значительная часть тех стимудов, которые возбуждают в капиталистическом мире дух предприничивости. Конечно, научные отврытая делаются не из корыстных мотивов, а из неугасимого устремления человеческого духа к истине. В изобретсииях научный интерес уже отодвигается на задний плав, и практические мотивы имеют большее значение. Но непосредственно хозяйственную жизнь двигают ведь не ученые, ни даже изобретатели, — ее двигают организаторы-практики. Их задача состоит не в научных открытиях, не в изобретениях и обычно даже не в практическом пспользовании последних. Их задача состоит в том, чтобы найти самую удачную комбинацию факторов производства иля создания того или другого продукта с наименьшими затратами; истопт в том, чтобы отыскать новые болсе дешевые или совершенные средства для удовлетворения потребностей, или чтобы наметить вновь назревающую общественную потребность и найти дешевые способы ее удовлетворения. Имея дело в большинстве случаев с материальными потребностими людей, предприниматели не могут сами руководиться ндеальными устремлениями —их влечет к деятельности жажда

Этот интерес в социалистическом обществе отпадает, — он противоречит его эгалитарному духу. Но, если-бы даже предпримечивость в социалистическом обществе все-таки не заглохда, ей все-же трудно было-бы добиться каких-ипбудь результатов, ввиду полной борократизации козяйственной жизни. Скажут, что социалистическое общество постарается поставить во главе своих предприятий возможно более талантивых организаторов, которые будут с велич-йшим вниманием относиться ко всем предлагаемым повшествам. Однако, ведь и социализа до исутствие ценностного учета до крайности затруднит оценку высших постов, большую опастолько в определенном месте. И во сколько раз вапиталистическое дозяйство является в этом отношении более сильным, благодаря тому, что капиталисты конкуррируют друг с другом, и их кзаимная конкур-

ренция заставляет их с жадностью квататься за каждую удачную новнику. Да и новатор может сам обладать капиталом или может достать кредит для осуществления своей иден.

Социалистическая организации хозяйства, если-бы ей, наконец, удалось отлиться в устойчивые формы, отличалась-бы громадным консерватизмом и инерцией. Пичего, подобного вечно изменчивой хозяйственной жизии капиталистического общества, социалистическое общество не представляло бы.

Если социализм не дает простора для проявления инициативы в сфере производства, то еще в меньшей степени он в состояния обеспечить свободу в сфере потребления. Уже из того, что социализм организует производство, не руководясь проявленыем воли потребителей на рынке, вытекает его тенденция к авторитарному распределению хозяйетвенных благ. Правда, значительная часть марксистов противоставляет! себя, как социалистов в специальном смысле, сторонникам авторитарного распределения хозяйственных благ, как коммунистам. Однако, можно показать, что между социализмом и коммунизмом, в рассматриваемом смысле, имеется глубокая внутренняя связь. Марке и Энгельс не даром назвали свой знаменятый манифест коммунистическим, и действенная русская социал-демократическая партия не даром к моменту социального переворота переименовалась в коммунистическую.

Марксисты, не приемлющие коммунизма, представляют себе, что сопналистическое государство будет платить своим гражданам за труд бонами, в обмен на которые они могли-бы себе свободно выбирать хозяйственные блага. Однако, раз цены устанавливаются независимо от рыночных запросов, то между спросом и предложением не может быть равновесия. На один хозяйственные блага цены будут слишком низки, и спрос на них превысит предложение, а на другие хозяйственные блага цены будут слишком высоки, и спрос на них отстанет от предложения. Очевидно, что было-бы пелепо первые предоставить тем, кто их случайно раньше захватит, а вторые оставить гивть на складах.

И те и другие остается авторитарно распределить.

Могут сказать, что такое несоответствие между спросом и предложением будет только кратковременным, что в последующих производственных циклах производство приспособится к спросу. Одвако, в капиталистическом обществе, в котором такое приспособление составляет жгучий интерес предпринимателей, равновесие спроса и предкожения достврается только нутем постоянного и подчае значительного колебания цен. Как-же можно надеяться, что гораздо более тяжеловесное. социалистическое кознаство сумеет устававливать равновесие спроса п преждожения при неизменных ценах. Авторитарное распределение хозяйственных благ является, таким образом, необходимой чертой сопцализма, как системы, отрецающей рыночное регулирование цен. В Советской России имелась еще и другая добавочная причина, вынужалвшая скрупулезное распределение хозяйственных благ, — это крайнее истопрение страны, в которой средства существования имелись в обрез. Но при сохраневии социалистического строя, этот порядок распределения пришлось бы сохранить и в том случае, если-бы стране удалось

выйти из состояния крайнего истощения; только пайки стали-бы, тогда не столь скудными.

Аэторитарное распределение хозяйственных благ отрицает право на свободное удовлетворение потребностей. Авторитарное распределение хозяйственных благ — это значет, что я обязан есть то, пусть прекрасно азготовленное, блюдо, которое мне предлагает наша коммунальная стодовея, — это значит, что я не вправе выбрать ту мебель, которая ине по душе, — этс значит, что молодая барышня обязана одеть не ту шлянку,

Воторан ей и лицу.

Но авторитарное распределение козяйственных благ отринает свободное удовлетворение не только наших материальных потребностей, но и наших высших духовных потребностей, ибо и они нуждаются в материальном субстрате. И здесь необходимо подчеркнуть, что тот: социалым, который себя от коммунизма отгораживает, будь он даже осуществим, в лучшем случае мог бы обеспечить свободное удовлетворение элементарных потребностей, но пикак не высших. Если все пе-: чатное дело находится в руках государства, то довольно трудно себе представить, чтобы оно стало печатать, витересующие гражданина, произведения метафизической философии, когда оно их в лучшем случае считает бесполезными, или чтобы оно стало строить церкви, когда государствееная власть относится к религии отридательно.

Авторитарное распределение хозяйственных благ точно также, как и бюрократизация хозяйственной жизни, не только ограничивает до крайности свободу граждан, оно пошижает также производительность народного хозяйства. Если мы известное количество хозяйственных благ распределим авторитарно среди определенной группы людей, то их потребности будут хуже удовлетворены, чем в том случае, если-бы им предоставили возможность свободно распределить эти блага между собою, сообразно своим дифференцированным потребностям. Хозяйствегные блага лвляются таковыми, в конце-концов, не сами по себе и даже не в меру того, сколько на нех затрачено труда, как полагают марксисты, а единственно постольку, поскольку они удовлетворяют наличным потребностям людей. Раз данная организация распределения плохо обеспечивает удовлетворение этих потребностей, то это равносначительно понижению производительности изродного хозяйства.

К этому остается добавить, что наш русский опыт с достаточно ясностью доказал, что авторитарное распредсление хозийственных благ это самая громозікая, самая дорогая система распределения,

какую себе только можно представить.

есьи русские социалисты-большевики в момент социальной революции правильно уловили связь между социализмом и коммунизмом, в указанном смысле слова, то внутренияя связь социализма с попцудительной организацией труда осталась для них неясной 10 конца. Необходимость прибегнуть к принудительной организации труда возниках для господствующей партии совершенно неожиданно в процессе строительства социализма, и она склонна была считать эту организацию времскиой мерой, связанной с военными условиями. Только один из напослее реплисавных и последовательных вождей русского комну(46)

незма интунтивно уловил указанную связь и прияд ее. А между тем не трудно видеть, что связь социализма и коммунизма с принудительной //

организацией труда необходимая, а не случайная.

В свободном меновом хозяйстве при недостаче товара цена на него повышается, а при избытке—понижается. Ленжение товарных цен находит себе отражение в уровне заработной платы в различных отраслях народного хозяйства, и это вызывает передвижение труда из одних отраслей в другие в соответствии с общественными потребностями. Но в социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются па их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено эгалитарному принципу. Таким образом, социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спситанное распределение труда в соответствии с общественными потребностями, но, так как такое распределение все-же необходимо, то остается его установить принудитольно. Труд-армии являются, конечно, идеальной организацией груда в условиях социализма.

Надо-ли в ХХ-ом столетии доказывать, что принудительный труд

является менее производительным, чем свободный труд?

Вопрос о политической свободе выводит нас за пределы нашего исследования, по он после сказанного и без того ясеи. Научный социализм утверждает, и по нашему мнению с полным основанием, что публично-правые институты не могут висеть в безвоздушком пространстве, что у них должен быть экономический фундамент. Капиталистическое общество декларировало права человека и гражданина, и эта декларация прочно связана с его экономическими устоями: с свободной конкурренцией, с свободным потреблением, свободой труда и, больше всего, с принципом частной собственности. Пока указанные экономические устои будут стоять прочно, до тех пор будет сохранять свое значение и декларация прав человека и граждании. За отсут ствием экономических предпосылок индивидуальной свосоды в социалистическом обществе в нем не может быть речи о политической свободе, и наши коммунисты с полной носледовательностью ее отрицают, как институт буржуазного общества.

Правда, социализм в утешение утверждает, что и в пределах капиталистического общества под формальной свободой таптся фактическое отрацание, насилие вкономически сильного над экономически слабым. В социалистической критике капиталистической свободы не все правда, но много правды. Именио, на этом основании современные демократии от буржуазного пранципа: "laissez faire, laissez passer", отрежлясь; в свободный меновой строй введено много коррективов, усиливающих позицию экономически слабых, и еще много коррективов предстагонт впести. По, конечно, дело личной свободы не выпрает от того, если она будет отменена и с формальной стороны, и по существу 1;

¹⁾ Несовместниость социалистического строя с педивидуальной свободой была очевидеа для всех, кто пытался серьезно вдуматься в его конструкцию, исходя даже из посылок научного социализма. К этому выводу пришли не

Нам остается рассмотреть, в чем же заключается смыся слов Энгельса и Маркса о социализме, как "царство свободы". Водь это не случанно оброненная фраза, это одна из основ их учения об обществе

Смыся слов Энтельса и Маркса таков. Процесс развития капиталистического общества стехийный. Каждый член общества участвует в формирования отношений капиталистического хозяйства, и тем не менсе они выступают и перед обществом, и перед личностью, как объективно данное, назависимое и от воли личности, и ог воли общества. Каждый фабрикант в периоды промышленного оживления участвует в подготовке промышленного кразиса, который в свое времл больно ударит его самого, и тем не менее он ничего не может изменить в своем поведения, и капиталистическое общество в целом не в состоянии предупредить грядущего промышленного кризиса. Постольку капиталистическое хозяйство есть царство необходимости.

В социализме общество берет свою судьбу в свои руки. Оно организуст свое хозяйство по единому рациональному плану; в нем действуют не стихийные силы, а воли общества. В нем нет неожиданностей, вбо процесс мозяйственного развития регулируется волей об-

щества. Постольку социализм есть царство свободы.

К сожалению, Маркс и Энгельс не занимались более углубленным исследованием того строя, и революционному осуществлению кос о они призывали. Таким образом, и идея "царства свободы" осталась ими не разработанной. Попытаемся ее проанализировать.

Очевидно, что социалистическое общество не есть царство свободной личности. Наоборот, эта личность лишается всякой свободы во имя того, чтобы общество за то свободно располагало своей сухьбой. до через какей-же орган общество осуществляет свое свободное самоопределение? Очевидно, через государство. Мысль Маркса о безгосударственном бытив воциалистического общества должна быть решительно отброшена. Именно, в социализме государство является во всечогуществе и политической, и экономической власти. Не прежное монархическое государство Запада, не современное демократическое государство, а социалистическое есть тот Левнафан Гоббса, которыи без остатка поглощает личность.

Но если социалистическое государство настолько всемогуще, то проблема организации власти, которой научный социализи совсем вочти не санимался, имеет первенствующее значение для социализма. В настоящее время коммунизм полагает, что он, в согласии с неко-

только известные противники социализма. Герберт Спенсер и Евгекий Рихтер, во к такому-же выводу, к огорчению и себя, и своих читателей, пришел в горачий апологет социализма, процевший ему свою дебединую цесню, М. И. Туган-Барачовский. "Централизация социалистического государства", говорит он, "предис загающая строгое подчинение личности велениям центральной власти передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственне ти са правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует иделлу ванбольшей свободы личности. "Социализм, как положительное учение" стр. 83. Конечно, апологет социализма выражается мягко.

торыми, идеями французского синдикализма, пашел новые принципы организации власти, которые додут возможность правильнее выявлять народную волю, чем она выявляется в западных демократиях. Ппинущий эти строки не специалист в государственном праве и не решается высказывать поэтому вопросу каких-либо суждений. Но одно ему известно: вожди революций от 1789 по 1848 относились к задаче создания государственной власти, точно отображающей кародную волю, с величайшим лафосом, которого коммунисты в проблему организация: власти не вкладывают. От этой власти ведь они ждали тех "miracies de la république", о которых любил говорить Робеспьер. И в процессе творчества этой власти оказалось, что проблема выявления народной воли оказывается гораздо сложнее, чем ее себе сначана представляли. Иа этом поприще человечество уже перенесло много разочарований. Давно-ли социалист Фердинанд Лассаль возлагал самые пылкие надежды на вссобщее избирательное право? А теперь государственное устройство, основанное на этом принципе, подвергается со стороны коммунистов самым жестоким нападкам; власть основанная на всеобщем избирательном праве, по их мнению, оказывается не властью народной, а властью финансового капитала.

Лишив личность всех ее прав, и отдав ее в полное распоряжение государства, питают-ли социалисты, с своей стороны, уверенность, полную уверенность в том, что проблема народной ввасти ими решена? Ведь они поставили ставку гораздо более серьезную, чем современная демократия. Последняя, организуя по своему государственную власть, не приносила ей в жертву личности, наоборот, сна стремилась возможно вернее обеснечить ее права. Будем помнить, что история знает много разбитых иллюзий, и настоящий проект организации коммунистической пласти через испытания истории еще не прошел.

Уверенность коммунистов основывается, впрочем, не на механизме конструкции власти, а на характере социальной среды, на которой она строится. Раз классы уничтожены, то нет опасности, что привылигированное меньшинство захватит власть над большинством. Наоборот, если классовое расчленение общества налицо, то никакой механизм вилогь до всеобщего тайного голосования не предупредит вырождения демо-

кратин в олигархию. :

Но существует ли у коммунистов уверешность в том, что в сопиалистическом обществе, в верхах коего экономическая власть над производительными силами народа достигает максимальной концентрации, существует ли у них уверенность, что в таком обществе козникиовение влассовых противоречий невозможно. История ведь знает столько случаев, когда в среде экономически не диффоренцированного общества, возникшего на развалинах прежней перархии, эта дифференциация все-таки наступала. И если олигархия завладеет подобной всемогущей властью, то какова же будет судьба социалистического общества? И эта ставка ставится во имя осуществления единого плана социалистического хозяйства, привципы коего, как мы ноказали, в сущности, не известны.

Но мы чувствуем, что мы подошли со своей аргументацией к

глухой стене. Есть два миросозерцания, между которыми не может быть никакого соглашения, никакого компромисса. Согласно одному из них человечество стремется к конечному блаженному состоянию, строение этого блаженного состояния взвестно, и соответствующий механизм остается только осуществить идеалистическим подвигом. В новом обществе, в котором кдеал уже ссуществлен, свобода личности не нужна, пбо ей нечего твореть в совершенном обществе. Зачем нужна свободлая личность блаж. Августину в его "civitas Dei", и зачем она нужна Карлу Марксу в его социалистическом обществе?

Но есть и другое миросозерцание. Нет никакого конечно блаженного состояния. Механизм осуществления рая на земле неизвестен. Надо в каждую эпоху решать конкретно те задачи, которые ставит жизнь. Челозечеству можно указать лишь самые общие директивы для его устремлений, и ему можно заранее сказать, что каждое его доспижение будет сопровождаться возникновением новых противоречий, постановкей новых задач.

Счастье человечества заключается именно в вековечном устремлении. Источником вековечного движения вперед человечества является творческая человеческая личность. И великим преимуществом современной свропейской цивилизации перед всеми предшествовавшими цивилизациями является то, что она это познала. Идея свободы человеческой личности родилась еще в бурях Реформации, когда Лютер перед синклитом могущественнейних светских и церковных владых провзнес свои великие слова: "So denke ich, und anders kann ich пісьт". Для тех, кто стоят на почве такого миросозерцания, принцип свободной человеческой личности есть верховная ценность, это наш последний критерий. Этого нашего первородства мы не продадим за утопню земного рая, ибо в нем святой талисмам европейской цивилизации.

Интеллигенция в истории Европы естественно являлась первым борцом за свободную человеческую личность, за нее она выходила на костры, принимала муки и гибла в тюрьмах. Если вдуматься в те психологические сялы, которые толкали и русскую витслигенцию, едвр-ли не в большей своей части дворянского или буржуазного проческождения, на штуры самодержавия, то мы найдем, что и здесь в основе ее революционных порывов была, не всегда осознания, тоска по личной свободе, негодование против рабства. В погоне за звободой она опиралась то на те, то на другие социальные слои, силы которых определяли ее поражения и ее победы. Та часть интеллигенции, которая в нылу борьбы во имя интересов определенного класса отказывается от принципа свободной личности, изценяет своему назначению. Пусть решит история, даст-ли она этой жертвой народу счастье.

Мы далеко отошин от нашей основной экономической темы. Таков уж вопрос об экономической свободе,—он неразрывно связан с общим вопросом о свободе человеческой личности.

Bypapier 200 zner no copyer

(50)

VIII. Субъентивные моменты в социалистичесном хозяйстве.

Многие социалисты утверждают, что при оценке социалистического хозяйства необходимо считаться с чрезвычайно повышекной производительностью труда его рабочих, являющейся следствием устранения антагонизма между неми и предпринимателями. Сам Маркс предусматривал влияние нового строя на психологию рабочих, хотя не представлял себе этого влияния моментальным. Но в будущем он предвидел, что граждании социалистического общества ставет настолько социальным существом, что откажется от требования того, чтобы его вознаграждение соответствовало его труду, он примет истинно коммунистический припцин: "каждый (работает) по способностям, каждый (получает) по потребностям". С этой социальной исихологией Маркс

связывал и идею безгосударственного бытия общества.

Однако, ист никаких оснований полагать, чтобы социальный пере-. ворот сам но себе мог благоприятно повлиять на питенсивность труда рабочего. Предшествующая социальному перевороту, обостренная классовая борьба может виеть свои положительные психологические влияния на рабочий класс, вызывая чувства классобой солидарности к даже : самоножертвования, но сна не может усилить внимания и любви рабочего к его производственной деятельности. Если социальный переворот устраняет в производстве антагонизм между предпринимателем и рабочим, то с переходом производства в руки общества еще не достигается отождествления в сознании рабочего его интересов с интересами общества. "Рабочий на государственной фабрике. говорит М. И. Туган-Варановский), "не имеет никаких мотивов развивать болез, чем среднюю энергию труда и давать более среднего количества трудового продукта". Социальная революция, сметая прежнюю перархию, не может не расстроить прежней трудовой дисциплины. Социалистическому государству приходится затрачивать не мало усилий на то, чтобы эту двсциплину восстановить, и для этого сму, в общем, придется вермуться в той же верархической организации крупного производства. Пспытка навязать рабочему классу немедленно после революции коммунистический принцип: "каждый по способностям, каждому по потребностям", может лешь самым пагубным образом повлиять на производительность труда; наша республика пиест в этом отношения достаточно горький опыт, и сейчас она всячески стремится к тому, чтобы установить самое строгое соответствие кежду вознаграждением за труд и его интенсив-

По не только немедленно после социального переворота нельзя ожидать коренных перемен в психология трудящихся, но и принцепиально в процессе экокомического строительства необходимо исходитиз того, что человек в сеосй экокомической деятельности руководится эгонстическими мотиками. Наша республика не мало потериола

¹⁾ Социаниям, как положительное учение, стр. 88.

от того, что она хотела этот принции игнорировать. Поддерживая силу . этого основного принципа классической политической экономии и в пределах социалистического общества, мы совсем не отрицаем значения альтрунстических чувств в социальной жизни. Но бескорыстие и даже самоножертвование люди проявляют в высшей творческой работе, в борьбе за ценности, которые они признают нетленными (хотя бы другие с стороны и считали их фикцияни), и, наконец, в своей интимной жизни. Но ошибочно ожидать от людей, чтобы они бескорыстно изо дня в день некли хлеб, тачали сапога и пили платье и даже не для ближних, а дли дальних, которых они, может быть, не знают и не видят. Русский пролетариат проявил исключительный запас героизма в борьбе за свой общественный идеал, но за станком он работал с напряжением, соответствовавшим получаемому вознаграждению. И герои человеческого духа не вначе регулировали свою экономическую делтельность. Спиноза писал свои трактаты из глубокой душевной требности, он паписал бы их и в том случае, если бы ему грозила за это тюрьма, но стекла он, конечно, грания за вознаграждение. И я не задену ничьего религиозного чувства, если скажу, что создатель религии любви за свою проповедь првняя крестную смерть, по, если он раньше был плотником, то плотничьи работы он исполиял за вознаграждение, это так, если в нем было человеческое естество. Только отрядая основные законы человеческой природы, можно строить экономическую жизпь, не исходя из указанного положения политической экономыя. Прогресс культуры выражается в том, что рабочий относится со всей добросовестностью к взятым на себя обязательствам. Это достижимо и в пределах капиталистического общества, и достижимо, ко-

нечно, и в пределах социалистического общества. После того, как экспансивные надежды на то, что социалистиче--ировскоди моской йындамодт грованый подъем проваводительности народного хозяйства, по только не оправдались, но выяснелось обратное, многие и правые, и леные социалисты, с довольно легким серяцем, готовы ответственность за неудачу сложить на рабочий класс, не то он оказался неподготовленным, не то его захлестывает окружающая мелко-буржуазная стихия, на которую в социалистической литературе обязательно все собаки вешаются. Однако, мы позволяем себе усомнвться в том, чтобы неудачи нашего социалистического строительства можно было поставить в счет психологии рабочего класса. Конечно, носле социального переворота никаких чудес не случилось, но вольно было их ожидать. Если же произволительность труда рабочего власса упала до минимума, то это соответствовало неблагоприятным объективным условвям—полной дезорганизации народного хозийства в частности, тяжелым продовольственным условиям. Но принципиально ист никаких оснований сомневаться в том, что рабочий будет трудиться за станком социалистического государства не менее усердно, чем за стан-

110 если строительству социалистического хозяйства грозит опасность в субъективных моментах, то она лежит не в исихологии рабочего класса, а в психологии организаторов производства.

Харавтерной чертой научного социализма является односторонний взгляд на процесс производства, как на процесс механического труда. Громадной роли торговца в каниталистическом обществе маркензи совершенно не признает, для марксизма он паразит. Не признаст он значения и экономического организатора производства, для него он специалист по откачиванию прибавочной ценности. И даже рози технического организатора произволства марксизм не дооценивает.

В соответствии с таким взглядом на процесс производства участь экономических и даже технических организаторов его была носле русской социальной революции весьма исчальна. Технических руководителей предполагалось заменить коллегиями сознательных рабочих, а прежинх эконсивческих организаторов-интедлигентами, более или менсе знакомыми с "Капиталом" Маркса. Только на горьком опыте власть' убедилась, что дело не так просто. Изгнаниме било экономические и технические организаторы были реабилитированы, объявлены спецами и возвращены на свои места.

Тем не менее, мы не можем ждать ни от старых, ни от новых снецов той полезной работы, которую они давали капиталистическому обществу. Уснех производства зависит, главным образом, от его оргаиизании не только технической, но и экономической; решающее значение имеет бережное этионичие к основному капиталу, экономия на натериалах, удачная комбинация капитала и труда, отыскание надлежащих источняков сырья и подходищих рынков сбыте, —и без этих предпосылок не поможет самый усердный и умелый труд рабочих. Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует исиходогия предпринимателя в капиталистическом обществе. На него надает риск предприятия, и он первый выперывает от его успехов. Отсюда громад-, ное напряжение его воли. Его труд никем не пормируется, - он определяется потребностими дела.

Совершенно не такова непхология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает песколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, на что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это добавочное вознаграждение но имеет звачения для стинуляции его труда. Риск предприятки дежат не на нем, а на государстве, он мало териет от неудачи и инчего не выигрывает от удачи. А отсутствие ценностного учета почти изъемлет его из контроля. Он. добросовестно отбыл свои 6 или 8 часов в конторе, в считает свой долг исполненным. А ведь для экономического творчества вужна по формальная исполнительность.

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоит в явственной связи с дефентами в исих-логии руководителей. Собрали у крестьян милльоны пудов картофеля,- и стноили; привозли дрова,-их разворовали. Можно быть уверенным, что, если предприниматель в пределах капиталистического общества возмется поставить картофель или дрова, то картофель у него не сгнист, и дров у него не разворуют. Не так-то легко он позволит у себя урвать ту прибыль, из-за которой он хлойочет, и субани он будет отбивать покуписиие на свой

Экономист № 3.

капитал. На митинге рабочие ножаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плоха. Представитель Внешторго объясния, что мы пролетарии не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие отнеслись к этому заявлению с пролетарским добродушием. Капиталистический строй этого пролетарского добродушия не знаст: купеп, который позволяет себя надуть, не долго проторгует, и иет для него извинения.

По только для организации производства у советского служащего не леатает энергии и активности, даже для такой, казалось бы более простой, задачи, как охрана капитала, эта психология оказывается столь же весостоятельной. И здесь нужен, и очень даже нужен, хозяйский глаз, и когда его нет, то рушатся дома, тонут суда, ломаются станки и разворовываются материалы.

Пет, если для строительства социализма имеются трудности субъситивного порядка, то они лежат никак не в исихологии рабочего класса, они лежат в исихологии его экономических организаторов. Стимулы, которые ни может дать эгалитарное социалистическое общество, не соответствуют ответственности лежащих на них задач. А между тем при громадной концентрации всех экономических функций в руках государства, ответственность экономических организаторов в социалистическом обществе во истину колоссальна, она больше, чем в капиталистическом обществе.

Социанизм и сельское хозяйство.

Мы до сих пор исходили из того предположения, что еще до наступления социального переворота, в процессе естественного развития капитализма, произойдет объединение всего производства в очень крупные предприятия, которые и будут национализированы. В обрабатывающей промышленностя, действительно, проявляется сильная тенденция к концентрация производства, и относительное значение мелкого производства падает. Тем не менее, абсолютное значение мелкой промышленности повсюду еще весьма значительно, а национализации мелких предприятий, как показывает наш опыт, ведет к их гибели—к немалому ущербу для народного хозяйства.

Если, таким образом, и в промышленности процесс национализации производства встречает затруднения, то в сельском дозяйстве он сталкивается с испреодолимыми трудностими. Инчего подобного быстрому процессу концентрации промишленного производства в сфере сельского козяйства из наблюдается. Существует только одна страпа, Англия, и которой сельское хозяйство организовано капиталистически; и этот результат получился, как продукт эволюции аграрных отношений в интришую эпоху, в условиях коренкым образом отличных от современных. Но и в Англии все-же кмеется около ½ мильона хозяйств, в там хозяйство в 100 дес. считается очень значительным, и никаких тенденций к дальнейшей концентрации сельскохозяйственного производства там

F 51 L 世末, 20 3 14 6 3 1 1 10 18 16 10 10 11 11 ве започается. На континенте Европы, и, в частности, в России, почти повсюду первенствующее значение пмеет мелкое производство, основанное преимущественно на использовании труда крестьянила и его семьи. Даже в Соединенных Штатах, где промышленный капитализы достиг такого колоссального развития, даже в этой стране трестов в милльардеров господствует мельзя форма сельскохозяйственного производства, в которой насмиый труд играст лишь второстепсиную роль. Правда, площади американских ферм больше площадей крестьянских хозяйств Европы, но это объясняется экстенсивным характером американского сельского хозяйства.

Экономисты спорят о степени дифференциации крестьянства, о том, происходит-ли нивелляровка его или дальнейшая дифференциация. Спор этот представляет большой витерес для выяснения вопроса о том; имеет-ли социальная революция почву в деревне. Марксисты доказывают, что на сторону социальной революции можно привлечь не только сельскохозяйственных рабочих, которые слишком малочисленны и рассенны; а такжо и беднейшие слои крестилиства. Действительно, в русской социальной революции массы крестьинства играли самую активную роль, хотя им думаем, это это не результат его сильной дифференциация, а общинного уклада его жизни, и им думаем, что в деревие собственников идея социальной революции будет иметь под собой гораздо менее благодарную почву.

По для нас сейчас важнейшее значение пмест вопрос о результатах социальной революции. А в этом отвошении не может быть двух мнений. Обанние собственного козяйства у беднейшого крестьянства, а отчасти и у сельскохозяйственных рабочих, настолько велико, что целью этого крестьянства может быть только расширение своего хозяйства за счет крупного. Таким образом, результатом социальной революции в даревне может быть только разрушение капиталистического сельского хо-

зяйства и полнос распыление производства.

. Что же может сделать социалистическое государство с этими милльонами мельчайших хозийств? Как оно может эту мелко-буржуазную стихню уложить в рамки иланового хозийства? Подтолкнуть их возможно скорее слиться в крупные коллективные хозийства? Если-бы этот процесс . пмел шансы на успех, то он во всяком случае потребовал-бы громаного промежутка времени. Но на чем основаны в данном случае надежды на уснех? Ведь при всем громадном развитии сельскохозяйственной коопсрации она нигде на свете спре не приведа к возникновению коллективных хозийств.

Полияя производительная кооперация не может похвастать успехами в сфере промышленности, хотя усилий в этом направлении сделано достаточно. Можно даже с известным основанием утверждать, что идея государственного социализма родилась в связи с неудачами производительной кооперации.: Потому-ли произволятельная кооперация в сельском хозяйстве должна иметь особенный успех. что самые выгоды крупного производства в сельском козяйстве соментельны? иля потому, что кооперирование сельскохозийственного производства требует кооперирования и домашнего хозийства, что, в свою очередь, связано с свое-

образними трудностями? Наши опыты искусственного создавания ко. хозов, конечно, не мегли дать ничего положительного.

Остается для вовлечения крестьян в илановое хозяйство рассматривать их, как батраков, сидящими на государственной земле, обязанными вести хозийство под диктовку власти и обязанимии сдавать весь продукт государству. Но это значит оставить мелкое козяйство при всех его слабых чертах и лишить его единственного превыущества, - личной заинтересованности трудящегося в результатах его труда.

Мы не убедились в том, что социалистическое государство в состояння опсанизовать промышленность, но овладеть ею оно может, это предсказывал Маркс, и это подтвердила наша революция. Совершенно вначе обстоит с сольским хозяйствои. Социальная революция в деревие не содержит в себе ни крупицы социализма, она не только не приближает сельского козяйства к социалистическому инсалу, наоборот, она отбрасывает его от него неизмеримо далеко.

А между тем, если примириться с этой "мелко-буржуваной стихией", если удовлетворить ее органическому требованию свободного обмена, то, в особенности в аграрной стране, этим вся система социалистического хозийства, -- система илапового распределения хозяйственных благ в государственном масштабо, - взрывается.

Х. Занлючение.

Мы стоим перед удивительным эрелищем: социалисты, убежденные социалисты, у которых слово не расходится с делом, которые ын пред чем не останавливались для торжества своей идеи, собственными руками увичтежают илоды своего творчества в, замения строй гармонический, ., ждый эксплоатации, строем апархическим, построенным на эксплоатации, ждут, вменно, от последнего увеличения рессурсов республики и улучшения экономического положения трудящихся. Мы видим, каксоциалисты усиленно приглашают в столну иностранцый капитал, чтобы он собирал у нас ту прибавочную ценность, упичтожение которой они считают своим призванием.

Как объяснить это странное явление?

Правое крыло социализма на это отвечает: "Тут нет ничего удивительного. Этот печальный результат им предвидели. Маркс говорил, что социальная революция может иметь успех только тогда, когда все предпосывки для социавистического строя готовы, а в России, в стране крестьянского хозийства, этих предпосылок не было".

Такая точка эрения может быть оправдана буквой учения Маркса, может быть подкреплена кос-какими цататами из него, но сдва-ли она

соответствует сго общему духу.

Промышленный канитализм получил в России умеренное развитие, он не привлек к себе на службу значительной части населения страны. . Но, поскольку русская промышленность существована, она, в смысле учения Маркса, созрела для социальной революции. Влагодаря тому

что русская промышленность не развилась столь органически, как промышленность на Западе, благодари тому, что она насаждена в течение последних двух столетий правительством, дворянством, пностранным капиталом, она представляла собой картину поразительной концентрации и в шарь, и в глубь, в смысле комбинирования последовательных стадий переработки продукта с различными подсобными производствами. Русские заводы: Путиловский, Обуховский, Брянский, Мальцевский, русские мануфактуры, являются колоссами не только на русский масштаб, но и на международный. И трестирование и синдицирование русской промышленности зашло накануне революции довольно далеко: Русские столицы представляли собою громадиме центры скопления промишленного продетариата, организованного в педрах предприятийколоссов. Отсутствие демократического режима, невозможность легальной защиты своих экономических интересов, поддерживали боевое настроение пролетарпата и подготовляли социальный варыв. Концентрации промышленности соответствовала концентрация богатств в тонког слое крупной буржуазии. По той-же причине, вследствие не органического характера развития русской промышленности, в России не имелись те широкие кадры молкой городской буржуазии, которые в европейской городе стоят между пролетариатом и крупной буржуазней, смигчая их столкновения. Противоположность между роскошью всрхов в осупостью низов была в русском городе разительнее, чем где бы то ни было. Итак, русский город вполне созред для предусмотренного научным со-

Правые социалисты нам, коночно, возразят, что, если относительно русского города можно спорить о том, созрел-ли он, или нет для предусмотренного Марксом социального персворота, то социально-экономический облик русской деревни к схеме Маркса уже во всяком случае пе подходит. А Россия страна аграрная, и, следовательно, если русская деревия во созрела для социальной революции, то, значит, не собреда и вся страна. По, если зрелость России для социализма определять с точки зрения се деревни, то нозволительно спросить правых социалистов: когда-же при таком буквальном толковании учения Маркса такая аграриая страна, как Россия, созрест для социализма? Ведь пределы индустриализма ограничены, даже для двух менее многолюдных стран, чем Россия, для Англии и Германии, мир оказался тесен. Русской промишленности придется и в будущем расчитывать почти исключительно на собственный внутренний рынов, и владся 1/8-ой частью земного шара, Россия останется страной аграрной. А между тем пикаких заметных признаков концентрации сельскохозийственного производства в России не было заметно. Если держаться буквы учения Марксы, то привется призвать, что ни Россия, ни какая-бы то ни было аграрная страна для социальной революции в обозримом будущем не созреют, и, следовательно, схема научного социализма к аграрным странам, всобще, не относител. Общезначимость схемы Маркса этим отри-

циализмом "Zusammenbruch"a.

Да и самая политическая позиция правых социалистов вызывает глубокое недоумение. Если правые социалисты признают страну неэре-

лой для социальной революции ц совершение не в состоянии предуснотреть, когда она даже в отдаленном будущем для нее созрест, то каож-же смыся имеет их социалистическая произганда в массах? Нельзя-же в самых черных красках рисовать правовое демократическое государство, объявлять его ведущим к обнищанию трудящихся, нельзя же в самых розовых красках разрисовывать социалистический строй, чтобы заканчивать свою проповедь предложением трудищимся сидеть смирно в "годить", когда общество созрест для социализма. А когда разаги-. тпрованные народные массы откажутся пассивью ждать этого лучшего будущего, то нельзя, умывая руки, заявлять, что мы, мол, тут не при чем, мы предлагали "годить". Конечно, и Маркс не благословлял каждого мятежа рабочих, но вся его пропаганда освещена твердой верой в близкое торжество социализма, и никаквип случайными цетатами из трудов Маркса нельзя замаскировать этого действенного, глубоко-революционпого характера его учений.

Если же правые социалисты считают себя призванными бороться за конкретные интересы рабочего класса, то для этой цели нет нужды ослеплять их социалистическим идеалом. О том, что ждет нас в далеком будущем, можно писать в ученых книгах, но об этом пусть не говорят на площадях. В польтике "довлеет дневи злоба его". Ведь англыйские "трэд-юнионы" в истории английского рабочего класса кое-что

значат, а они даже не ходят под красным флагом.

С духом революционного марксизма, по нашему мнению, согласны не правые, а левые социалисты. Только у них слово с делом не расходится. Если социализм есть великое благо, то о нем следует не мечтать, его следует строить. Творческие силы пового строи проявятся и пресбразят мир, даже если действительность и не во всех частих подходит под предусмотренную схему. Даже величайший гений не можег предусмотреть всего многообразия эволюции человечества. Самая возможность социальной революции, паличие у пролетарната сплы для ее ссуществления, согласно учению Маркса, свидетельствует о том, что "время пришло", ибо политическая сила класса строится на экономических предпосылках. Так, и только так, по нашему мислию, могут думать истинные носледователи учения Маркса. И не даром виднейший представитель научного маркензма на Западе, Меринг, благословил рус-

llo, в таком случае, почему же русская революция, начавшись в городе, сумела увлечь в свой круговорот деревию, одержала блестящие поречи в борьбе с контр-революнией и во внешней политике и, в конце-концов, оказалась столь несчастливой на фронте экономиче-

ского строительства?

Оффициальное объяснение таково: крепость капитализма взята

слишком стремительным штурмом.

Может быть, под крепостью следует разуметь мировой капитализм, который пока что еще стоит? Однако, вопреки обычному представлению, мы не усматриваем того, чтобы необходимой предпосылкой удачного строительства социализма в России была всемирная социальная революция. Если бы речь шла о такой често индустриальной

(58)

стране, как Англия, то действительно трудно было бы ссбе представить там соцвальную революцию без того, чтобы подобная революция ие произошла, если не во всем культурном мире, то, по крайней мере, в английских колониях. Существование Англии без висиней торговли немыслимо, а она, конечно, будет совершенно дезорганизована раз в торгующих странах правовые нормы оказываются днаметрально протпвоположными. С прекратричем же своей внешней торговли, Англия в первый же год после социальной революции вымерла бы с голоду. Таким образом, вопреки господствующему мнению, опыт строительства социализма должен быть предпринят в первую очередь не в странах одностороннего высокого развития пнаустриализма, а в странах более или менее самодовлеющего хозяйства. К числу их относятся прежде всего Соединенные Штаты, а затем и Россия.

Действительно, разве наше народное хозяйство настолько зависимо от Европы, чтобы блокада сама по себе могла нас повергнуть в пучину бедствий, если бы только им умели наладить свое хозяйство. Продовольствия у нас всегда было в изобилии. Из придильных материалов мы одви (лец, пеньку) вывозили в громадных количествыя, а недостачу в других (хлонке, шерсти) могли бы легко понолнить расширением собственного производства. Лес у нас имеется в громадиры избытке, нефть тоже, и мы можем этими видами топлива и торфом покрыть недостаток в камениом угле. Руды у нас писются. Рельсы наши заводы прокатывали, наровозы-строили. Если же некоторые сложные машины у нас не производились, то, если социализм, действительно, способен поднять производство на высшую ступень, эти небольшие дефекты удалось бы собственными средствами понолнить. Когда у нас говорят, что Россия голодает вследствие блокады, то . всисминаются 'проинческие замечания англичин: Нью-Кэстль (главный город экспорта английского угля) замерз от того, что блокада отрезала ему подвоз угля. Именно, в России, в стране, почти самодовлеющей, оныт строительства социализма должен был иметь шансы на успех.

Но мы знаем, что действительность этих чаниий, правильно основанных на марксистской доктрине, совершенно не оправдала. <u>Нельзя</u> указать ни одной отрасли народного хозяйства, которая бы процведа. И полная очевидность результата вынудила убежденных коммунистов ждать улучшения от частичного возвраза к свободному обмену и канитализму.

Итак, объяснения, которые нам дают и правые, и-левые социалисты, причий неудачи социалистического строительства представляются нам одинаково несостоятельными. Все наше предшествующее изложение, смеем мы думать, дало пам истипное объяснение этой неудачи.

Мы не беремся судить об ауспиния всемпрной революции на Западе. Жестокий экономический кризис, и который ввергнута Европа в результате пировой войны, еще не изжит, и это положение гразит социальными катаклизмами. Но мы не дмесы никаких оснований усматривать в социальной революции средство для преодоления этого кризиса, и русская революция нас в этом не убедила. Подобные со-

инения зарождаются и в умах весьма авторететных ученых социалистов. "Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану"... "У лас сейчас нет готовых утопий, которые можно воплотить всенародным решением"... Так осторожно теперь выражается Карл Каутский, который во всей предмествующей научной и политической деятельности утверждал как раз обратное.

В одном, однако, мы можем внолие согласиться с современным коммунизмом: если мы не вризнаем социальной революции средством для преодоления экономического кризнеа, то мы не усматриваем его и и Версальском мире. И если флагом современного коммунизма станет борьба против антрессивного империализма, то он найдет опору не только в классе промышленных рабочих, который пока не оказался в этом вопросе особенно стойким, но и в других классах современного общества. Для того, чтобы быть противником современного аггрессивного въздривализма, социалистическая идеология нам не представляется пообхозимой.